

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Катастрофа случилась в день свадьбы!
Теперь от поиска компрометирующей
картины зависит не только репутация,
но и личная жизнь героини!

HARLEQUIN®

БРЕНДА ДЖОЙС

Разрушит ли назревший скандал счастье
влюбленных, или блистательная героиня,
как обычно, выйдет из сложившейся
ситуации победительницей?

Смертельные обеты

Продано более 14 миллионов экземпляров

Франческа Кахилл

Бренда Джойс

Смертельные обеты

«Центрполиграф»

2010

Джойс Б.

Смертельные обеты / Б. Джойс — «Центрполиграф»,
2010 — (Франческа Кахилл)

Ничто не могло расстроить свадьбу Франчески Кэхил с Колдером Хартом, кроме скандала, грозящего разлучить их. В этот торжественный день Франческа получила приглашение ознакомиться с одной вещью, которая могла разрушить ее счастье, – с собственным портретом, изображавшим ее обнаженной. Погоня за этим некогда пропавшим портретом привела Франческу в ловушку, спасение из которой оказалось почти бессмысленным, – она опоздала на венчание, а проклятый портрет снова пропал. Так кто же тот развращенный психопат, выкравший скандальный портрет? И как Франческе снова завоевать сердце Колдера? Или действительно их любовь так просто закончилась?

Содержание

Смертельные обеты	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Бренда Джойс

Смертельные обеты

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Смертельные обеты

Посвящается Люси Чайлдс, прочитавшей все наброски, пометки и варианты рукописи, за все слова одобрения и поддержки, за те моменты, когда вмешивалась, успокаивала, и, разумеется, за то, что стала первым почитателем «смертельной» серии.

Спасибо тебе!

Глава 1

Нью-Йорк

Суббота, 28 июня 1902 года. 10:00

Настал день ее свадьбы.

Франческа Кэхил не могла поверить в происходящее. Всего три недели назад ее жених был заключен в тюрьму за убийство женщины, некогда бывшей его любовницей. Три недели назад ее отец и слышать не хотел о Колдере Харте, особенно о его намерении жениться на Франческе. Какие-то три недели назад высшее общество Нью-Йорка взволнованно обсуждало крах одного из самых богатых и влиятельных жителей города.

Франческа разглядывала в зеркале свое покрасневшее лицо. Репутация Харта была испорчена задолго до убийства его любовницы. Он открыто пренебрегал общепринятыми нормами и традициями, был до крайности эгоистичен и любил потакать своим желаниям, часто был замешан в скандалах и славился привязанностью к вдовам и разведенным женщинам, а его коллекция произведений искусства была настолько авангардистской, что многих шокировала. Харт вел себя так, словно испытывал огромное удовольствие от всего того, что делает; он был так вызывающе богат, что мог себе все это позволить.

Прошло три недели, и Харт по-прежнему не был низвергнут. Напротив, на их свадебную церемонию собралась вся городская элита, и очень скоро гости поднимут бокалы и произнесут тосты в их с Хартом честь...

Лицемерие и фальшь вряд ли могли удивить Франческу, в конце концов, она сама всю жизнь была предметом сплетен. В то время как ее сестра Конни стала блестящей светской дамой, выйдя замуж за лорда Нейла Монтроуза, Франческа слыла особой эксцентричной, высокообразованной, ее называли «синим чулком» и рьяным борцом за дело реформы – а недавно она стала еще и профессиональным сыщиком. С начала года Франческа помогла полиции раскрыть восемь весьма запутанных преступлений, и достижения ее были блестящими, и комиссар полиции лично признал, что без ее помощи дела вряд ли были бы завершены. Пресса стала писать о Франческе почти ежедневно, превратив ее таким образом в одну из городских знаменитостей, к сожалению печально известных.

Она же оставалась равнодушной к собственной популярности. Единственное, что заботило ее – заботило с самого раннего детства, – помощь людям с менее счастливой судьбой, чем ее собственная. Впрочем, дело реформы было важно для Франчески как воздух. С того момента, как открыла в себе прирожденные способности к расследованию преступлений, она дала себе слово помогать безвинным жертвам.

Порой Франческе хотелось ущипнуть себя. Ее захватила сумасшедшая любовь; ни одна женщина не смогла бы устоять перед демоническим обаянием Харта, не устояла и она. Он был самым сложным и непредсказуемым человеком из всех, с кем ей приходилось встречаться. Франческа была бы рада помочь Харту побороть внутренние страхи, связанные с его темным

прошлым, – ей нестерпимо хотелось скорее выйти за него замуж, – но одновременно она боялась союза с ним.

Несмотря на запятнанную репутацию, Харт оставался завидным женихом, поскольку был фантастически богат. Дамы высшего света старались привлечь внимание Колдера к своим холеным и прекрасно воспитанным дочерям, он же открыто над ними издевался. Затем случилось так, что Франческа взялась расследовать убийство Пола Рэндла – биологического отца Харта. Тогда их жизненные пути пересеклись, и Франческа поняла, что попала под влияние этой темной, сложной личности, обладающей шармом и харизмой. Харт стал ее лучшим другом, защитником и поклонником. Он никогда не предпринимал попыток ее соблазнить, однако очень скоро обоюдное влечение несколько изменило их дружеские отношения.

Довольно скоро Харт пришел к выводу, что хочет жениться на Франческе, этой странной и независимой женщине. Как же ей было не бояться, что однажды он изменит свое мнение о ней?

У Колдера Харта были романы с первыми красавицами света, она же едва ли была похожа на знойную соблазнительницу. Франческа была натурой романтической, несколько наивной, но в то же время обладала определенным опытом. Скорее всего, ее можно было бы назвать слишком умной, слишком откровенной, слишком упрямой и целеустремленной для представительниц ее пола. Женщинам не пристало быть интеллектуалками, с высокими профессиональными устремлениями и собственным мнением. Не должны они были и вести себя столь независимо, как позволяла себе Франческа.

Надев синюю юбку и блузу, Франческа отвернулась от зеркала и постаралась глубже запрятать свои страхи. Последние две недели были полны забот и спешных приготовлений к столь важной для общества свадьбе. Мать Франчески, Джулия Ван Вик Кэхил, не допустила бы, чтобы все было иначе. Джулия твердой рукой провела мужа по нелегкому пути принятия решения – Франческа не раз становилась свидетелем результатов ее напористости, – и, когда он согласился, Джулия и Конни немедленно начали приготовления. Предполагалось, что церемония пройдет в пресвитерианской церкви на Пятой авеню и продолжится в банкетном зале отеля «Уолдорф Астория». Франческе продемонстрировали список гостей, ткани и цветовую гамму убранства залы, примеры цветочных композиций и план каждого стола. Она просто соглашалась со всем, что предлагали мать и сестра. Они были мастерицами устраивать приемы, которые Франческа редко посещала. Некоторое время назад Харт отбыл в Чикаго, чтобы завершить все необходимые дела и не заниматься ими во время медового месяца, который они планировали провести в Париже, и вернулся лишь пару дней назад.

Франческа уже заканчивала закалывать волосы, когда раздался стук в дверь. Она была уверена, что пришла Конни, сестра обещала провести с ней день и помочь одеться к празднику, однако на пороге появилась одна из горничных.

– Кто пришел, Бетти?

– Комиссар полиции, мисс. Сказал, что неловко вас беспокоить, но ему необходимо переговорить. – Симпатичная француженка улыбнулась хозяйке.

Франческа не ждала посетителей в день свадьбы, даже Брэга. Сердце тревожно сжалось. Что же могло случиться?

Она колебалась. Последние месяцы они много работали вместе с Риком Брэгом, у них сложилась отличная команда, более того, они стали настоящими друзьями. До знакомства с Хартом – она тогда даже не знала, что Рик женат, хоть и живет один, – их связывали романтические отношения. Рик Брэг был первым мужчиной, которого она поцеловала.

Он был сводным братом Колдера Харта.

Сейчас Франческа старалась не вспоминать о том коротком увлечении.

Вместо этого она подумала о грядущих выходных. Большинство представителей высшего общества разъехались на лето, но городская жизнь по-прежнему бурлила. Пляжи Кони-

Айленда оставались популярным местом отдыха, поэтому город не опустел больше чем на четверть. Кроме того, преступники из районов трущоб никогда не брали отпуск.

Франческа решила, что Брэгу понадобилась ее помощь в раскрытии очередного преступления. Но сейчас она вряд ли сможет ему помочь!

Она поспешно воткнула последнюю шпильку в прическу и, выйдя из комнаты, направилась к покрытой ковровой дорожкой лестнице особняка Кэхиллов. Брэг ждал ее в одной из малых гостиных рядом с просторным холлом, вымощенным мрамором, и смотрел в окно. Яркий солнечный свет рвался в комнату, перед Риком открывался прекрасный вид на лужайку, окружавшую дом. На шумевшей чуть поодаль Пятой авеню Франческа заметила несколько колясок и двуколку, проезжавшие мимо тротуара, по которому прогуливались дамы с зонтиками, обходя черные газовые фонари. Через дорогу начинался Центральный парк, обнесенный каменными стенами, за которыми угадывались очертания зеленых крон деревьев. Стоял чудесный летний день – великолепный день для бракосочетания.

У Франчески была возможность несколько мгновений понаблюдать за Риком, прежде чем тот ее заметил. На душе стало теплее. Ей всегда будет небезразличен этот высокий и необыкновенно привлекательный мужчина, их многое связывает. Рик был предан делу реформы даже больше Франчески; последние десять лет он работал юристом в Вашингтоне, оказывая услуги бедным и малограмотным гражданам. Ради этого Рик Брэг отказался от партнерства в процветающей юридической фирме. В январе новый мэр Нью-Йорка, реформатор Сет Лоу, назначил его главой полиции города с целью очистить до предела коррумпированные ряды стражей порядка. Недавние исследования показали, что полиция ежегодно получает четыре миллиона долларов от содержателей притонов с азартными играми, проституцией и прочими незаконными явлениями, – разумеется, все выплаты были нелегальными. Даже мелкие торговцы, такие как лавочники и башмачники, выплачивали главе районного участка пару долларов в неделю за протекцию.

В течение шести месяцев с момента назначения Брэг делал все возможное, чтобы вырвать департамент из тисков взяточничества, в основном путем поощрения или увольнения офицеров. Положение его нельзя было назвать простым, поскольку он оказался между двумя противоборствующими силами – политиками и приверженцами реформы. Мэр Лоу стал отступать, боясь проиграть на ближайших выборах, однако прогрессивно настроенная элита требовала от Брэга еще более активных действий. Немецкое движение реформ и Таммани-Холл тянули его назад. Брэг чувствовал себя как на качелях, но все же был полон решимости очистить ряды полиции, а посему за короткое время нажил больше врагов, чем сторонников.

В жизни Франчески не было человека, которого она уважала, которым восхищалась больше, чем Риком Брэгом. За исключением, разумеется, будущего мужа.

Заслышав ее шаги, Брэг обернулся и расплылся в улыбке.

– Франческа, прости за вторжение. – Он поцеловал ее в щеку. – Знаю, сегодня день твоей свадьбы.

Она счастливо улыбнулась в ответ. Он не забыл.

– Приятно, что ты помнишь, тем более что твое имя в списке гостей. Будет досадно, если ты не придешь.

Улыбка медленно сползала с его лица, и оно сразу стало усталым.

– Тебе всегда здесь рады, Брэг, но что случилось?

– Спасибо, Франческа. Ты выглядишь такой счастливой.

Она не на шутку встревожилась. Брэг никогда не скрывал, что не одобряет кандидатуру Харта.

– Я же невеста, разумеется, я счастлива, хотя и немного нервничаю. – Внезапно Франческа поняла, зачем он здесь. – Ты ведь пришел не для того, чтобы поделиться со мной обстоятельствами нового дела, верно?

– Нет. – Рик помрачнел и взял ее за руки. – Мое мнение о свадьбе осталось прежним, – нервно произнес он. – Я волнуюсь за тебя.

Франческа попыталась высвободить руки, но Брэг удержал ее.

– Сегодня днем я выйду замуж за Колдера Харта.

– Всего три недели назад Харт сидел в тюрьме, он был первым в списке подозреваемых в убийстве.

Франческа резко вырвалась.

– Нет, это в *твоем* списке он был первым. Я никогда не сомневалась в его невинности.

– Он просто околдовал тебя.

Харт и Брэг всегда были непримиримыми соперниками. На свете не было более непохожих братьев. Оба росли в нищете в трущобах – до тех пор, пока их не взял в свой дом Рат Брэг, отец Рика. Теперь Рик принес свою жизнь в жертву, отказавшись от роскоши, и посвятил себя помощи неимущим, делу реформы общества и государства. Жалованье комиссара полиции было весьма скромным, но его это не останавливало. Харт вынес из своего детства совершенно другие уроки. Он стал миллионером и нарочито демонстрировал свое богатство. Несмотря на то что он щедро помогал благотворительным организациям, основной его целью было получить такую власть, чтобы никогда больше не страдать от несправедливости и нищеты. Он скопил состояние благодаря выдающейся работоспособности и уму, делая ставку в основном на страхование и железнодорожные перевозки. Объективно можно было бы назвать одного из братьев воплощенной самоотверженной добродетелью, второго – эгоистичной и корыстной натурой.

Однако Франческа знала, насколько это несправедливо. Харт был благороден, она знала это с самого начала. По отношению к ней он вел себя бескорыстно, что навело ее на мысль о том, что заносчивость и высокомерие – лишь спасительная маска.

Впрочем, сейчас ничто уже не имело значения. Франческа ненавидела соперничество между братьями, но была вынуждена признать, что в определенной степени оно было вызвано ее прошлыми отношениями с Риком и настоящими с Хартом.

Франческа считала это несправедливым, поскольку Рик, некогда оставленный женой, теперь воссоединился с Ли Анной.

– Я более чем околдована, Рик. Я влюблена.

– И у тебя нет сомнений?

– Дождаться не могу, когда стану наконец женой Харта.

– Именно это меня и беспокоит. – В глазах мелькнуло недоверие. – Женщина, умудренная жизненным опытом, столь же пресытившаяся, как Харт, могла бы пожелать быть с ним рядом. В тебе столько романтики, ты умна, но сохранила наивность, несмотря на все пережитое за время ухаживания Харта. Я содрогаюсь при мысли, насколько ты ему доверяешь, но еще больше от твоих ожиданий!

Слова Брэга были эхом высказываний, которые она слышала в последние несколько недель.

– Я не жду ничего плохого от этого брака и верю, что мои ожидания вполне реалистичны, – сказала Франческа.

В этот момент их прервал стук в дверь гостиной. Франческа выразительно посмотрела на Рика и отвернулась. Неужели ему было необходимо вести себя так именно сейчас?

Вошел лакей, неся в руках коробку, завернутую в белую бумагу и украшенную голубой лентой. Франческа знала, что это подарок от Харта. Она покосилась на Брэга.

Тот поморщился и сунул руки в карманы. Франческа поблагодарила Джонатана и принялась развязывать ленту. Под бумагой оказался не традиционный синий футляр для ювелирных украшений, впрочем, она и не ожидала ничего традиционного – только не от Харта. Франческа извлекла из коробки антикварный перочинный нож с лезвием не больше двух дюймов и резной

рукояткой из слоновой кости. На прилагавшейся карточке были начертаны лишь инициалы: К.Х.

– Бог мой, он прислал тебе нож, – ахнул Брэг.

– Что-нибудь новое, что-нибудь старое,¹ – рассмеялась Франческа. Она была в восторге от подарка! Крошечный ножичек прекрасно уместился на ладони, при определенных обстоятельствах такая вещь просто незаменима.

Франческа убрала подарок в футляр. Это одна из причин, по которой она любит Харта. Любой другой мужчина подарил бы ей украшение, но не Харт, он ведь так хорошо ее знает.

– Несомненно, ты полностью под влиянием его чар.

Франческа кивнула:

– Да, полностью. И надеюсь оставаться под действием этих чар еще очень, очень долго.

Брэг нашелся довольно быстро:

– За то недолгое время, что вы знакомы, он не раз причинял тебе боль – я был тому свидетелем и знаю о твоих переживаниях не понаслышке.

Франческа хотела возразить, но не решилась.

– Прошу тебя, Рик, только не сегодня, – взмолилась она. – Просто пожелай мне счастья.

Но Брэг не отступал:

– Франческа, ты не должна забывать о том, что имя Харта почти ежедневно упоминается в газетах. Журналисты продолжают муссировать его отношения с Дейзи Джонс.

Она вздрогнула:

– Я знаю, что в обществе продолжают сплетничать об убийстве, знаю, что о нем говорят, – несмотря на признание убийцы, многие в городе продолжают считать виновным Харта. Последние две недели по настоянию мамы я почти каждый вечер посещала светские мероприятия и не раз слышала грязные сплетни – иначе и быть не могло. Говорили даже, что он почти потерял ко мне интерес. – Франческа заставила себя вполне равнодушно пожать плечами, но улыбнуться уже не смогла.

Брэг помолчал, и она поняла, что он думает о том же, что и местные матроны, считавшие, что рано или поздно Харт вновь пустится во все тяжкие.

– Я присутствовал на приеме у Уинамэкеров, – наконец, произнес он. – Тебя там не было. Я услышал страшную новость. Они жаждут его крови, Франческа, а заодно и твоей.

Она убеждала себя, что Брэг позволяет себе провоцировать конфликт лишь потому, что беспокоится о ней.

– Они мстят за его вызов обществу, за все те насмешки, что Харт бросал им в лицо.

– Свет его презирает. О нем всегда будут говорить, а значит, и о тебе.

– Я понимаю. Я выросла в этом обществе и осознаю, какими едкими могут быть высказывания. Разумеется, мне неприятно, когда обо мне сплетничают, и, конечно, мне бы хотелось, чтобы все скорее закончилось. Однако эта черная полоса пройдет, пусть не сразу, но общество забудет об убийстве Дейзи. Харт невиновен, и это доказано. Мое решение непоколебимо, я всегда буду рядом с ним. Жена обязана поддерживать мужа.

– Он разбил тебе сердце. Когда был под подозрением в убийстве Дейзи, он разорвал вашу помолвку, – зло сказал Брэг. – Он разбил тебе сердце. Ты ведь об этом не забыла. Он повел себя как эгоист что тогда, что сейчас. Задумайся над этим, Франческа!

Франческа задрожала от слишком сильного напряжения.

– Разумеется, я ничего не забыла. Харт пытался оградить меня от скандала, от себя самого.

¹ В Англии существует поверье, что у каждой невесты в день свадьбы должно быть что-нибудь старое, что-нибудь новое, что-нибудь взятое напрокат и что-нибудь голубого цвета.

– Ты научилась придумывать ему оправдания! – Голос его звучал угрожающе. – Ты знаешь не хуже меня, что он будет вновь и вновь причинять тебе боль и в большом, и в малом. Только Богу известно, какие демоны живут в его душе. Он себялюбив и жесток. Я видел, как он обижал тебя! Ты заслужила быть рядом с добрым человеком. – Брэг перевел дыхание. – Я не пытаюсь убедить тебя расторгнуть помолвку, но умоляю отложить свадьбу. Не представляю, к чему этот оголтелый бег к алтарю!

Из глаз Франчески брызнули слезы.

– Зачем ты так?

– Ты знаешь зачем. Мне небезразлично твое будущее.

Она заморгала, стараясь разогнать пелену перед глазами. Когда-то Рик казался ей мужчиной мечты, возможно, не вернись его жена в семью, они и по сей день могли быть вместе. Но она без памяти влюбилась в Харта. Франческа и представить не могла, что любовь может быть такой сильной и глубокой. Свой выбор она сделала уже несколько месяцев назад, но слова Брэга задели ее, она даже не пыталась анализировать, по какой причине. Она с трудом заговорила:

– Уже ничего невозможно отложить.

– Почему? – не сдавался Брэг.

Она подняла глаза.

– Харт будет обижен, если я так поступлю, а я люблю его.

На скулах Брэга запылал румянец.

– Он справится, стоит только тебе махнуть ресницами, он же от тебя без ума.

– Я хочу выйти за него замуж сегодня, Рик, – произнесла Франческа уже более суровым тоном.

– Правда? В твоих глазах я вижу беспокойство и сомнения – не пытайся отрицать. Я слишком хорошо тебя знаю.

Франческа внутренне сжалась и ответила не сразу.

– Признаю, я немного тревожусь. Харт человек сложный. Не сомневаюсь, в нашем браке будет много взлетов и падений, впрочем, как и в большинстве союзов. Я не теряю чувства реальности.

– Взлетов и падений? – Брэг смотрел с недоверием. – Когда он причиняет тебе боль, он делает это намеренно – вонзает нож в сердце. Я знаю. Я видел. Франческа, я хочу защитить тебя от него!

Она отпрянула:

– Рик, только не сегодня. Я не отложу свадьбу, даже думать об этом не желаю. Откровенно говоря, я не могу дождаться, когда стану женой Харта, и то, что ты меня очень расстроил, ничего не изменит.

Брэг скривился:

– Извини. Я просто очень за тебя переживаю. Хорошо. Но я убью его, если он не изменится и не станет таким мужем, которого ты заслужила.

Франческа с облегчением выдохнула:

– Так ты пожелаешь нам счастья? Мне необходимо твое благословение!

Брэг притянул ее к себе. Пусть это было несколько неуместно, но она оказалась в его объятиях.

– Пока я дышу, буду желать вам счастья, Франческа. Ты заслужила, чтобы сбылись все твои мечты.

Она улыбнулась.

– Спасибо тебе, Рик, – мягко произнесла она. – Значит, увидимся в четыре?

Наконец, взгляд его стал теплым и ласковым.

– Да, увидимся в четыре.

В дверном проеме парадного входа появилась Конни. Удивленная, она застыла на месте и проводила глазами кивнувшего ей на прощание Брэга. Когда он вышел, Франческа встала рядом со своей белокурой сестрой, и обе стали внимательно наблюдать за тем, как Рик Брэг шел к черному «даймлеру». Через минуту, надев очки, он завел мотор, и автомобиль, шурша шинами по гравию дороги, покатил к массивным железным воротам особняка.

Дворецкий запер дверь, и Франческа оглядела, как всегда, великолепную и элегантную сестру. Джулия воспитала старшую дочь так, как считала правильным: Конни была истинной леди, заботливой женой и матерью, блестящей хозяйкой приемов. Как и Джулия, она была общепризнанной светской дамой с безупречными манерами.

– Вижу, ты уже готова к церемонии, – поддразнила Франческа, уверенная, что Конни обязательно вернется домой, чтобы переодеться во что-то еще более обворожительное, чем этот синий костюм в полоску.

Конни округлила глаза.

– Едва ли. Франческа, я не ошиблась, от тебя вышел Рик Брэг?

Франческа взяла сестру под руку и потянула в тот салон, где только что разговаривала с Риком.

– Он пришел пожелать мне счастья, – сказала она с легкостью, пожалуй немного неестественной.

Конни посмотрела на нее с сомнением, затем вернулась к идеально отполированным дверям из красного дерева и затворила их.

– Ты ведь не занимаешься новым делом? – В голосе послышался легкий укор.

– Нет же, Кон, тебе не стоит волноваться на этот счет.

Конни облегченно вздохнула:

– Пожалуй, я ему сочувствую.

– Конни!

– А почему нет? Он был влюблен в тебя, пока волшебным образом в воздухе не материализовалась его жена. И я вижу, как он на тебя смотрит. Все видят.

Франческа почувствовала себя неловко.

– Кон, он любит Ли Анну.

– Да? Брэг определенно полон решимости исполнить свой долг по отношению к ней, они изумительная пара, но за те несколько раз, что я видела их вместе, мне показалось, что отношения их весьма натянутые.

Франческа покачала головой:

– Ты знаешь, что с Ли Анной произошла страшная трагедия. Она никогда не сможет ходить. Им обоим многое пришлось пережить. Да, я нравлюсь Брэгу, а он нравится мне. – Сердце дрогнуло, когда она подумала о Харте. Франческа замолчала и посмотрела на сестру. – Но, Конни, сегодня вечером я стану женой Харта.

Внезапно ее пронзило острое возбуждение. Она не один час провела в объятиях Харта – в его постели. Но он отчаянно отказывался перейти к самому главному. По одному ему понятным причинам Харт предпочитал вести себя с ней благородно.

Конни понимающе улыбнулась:

– Как твоя сестра я знаю, что каким-то образом тебе удалось обуздать свою страсть. Я так рада за тебя, Фрэн. Харт без ума от тебя, да и ты совсем потеряла голову. Только Богу известно, как нам с мамой удалось организовать торжество меньше чем за две недели!

Франческа рассмеялась, и все страхи тут же улетучились. Теперь она думала только о том, какими глазами будет смотреть на нее Харт, когда она пойдет по проходу в церкви.

– Только Богу известно, как вам удалось уговорить папу согласиться на свадьбу через две недели.

– Думаю, это Харт постарался, – усмехнулась Конни. – Нейл видел, как они обедали в «Дельмонико». Между прочим, отец выглядел так, словно его вот-вот хватит удар.

Франческа кусала губы. До отъезда Харт и словом не обмолвился о встрече. Она хорошо знала, как опытный Харт умеет вести переговоры. Очевидно, что Эндрю Кэхил, нестигаемый, когда речь шла о делах, – он начинал карьеру простым мясником, а сейчас владел мясоперерабатывающей империей, – поддался более изощренному противнику.

– Ты встречалась со своим женихом после его возвращения из Чикаго?

– Мы ужинали с ним позапрошлым вечером, – покраснев, призналась Франческа.

– Надо было бы организовать ужин и вчера, но тогда бы мы с мамой не успели подготовить все к свадьбе, – вздохнула Конни.

В следующий момент в дверь опять постучали, и сестры обернулись.

– Вчера Харт устраивал небольшой мальчишник, – пробормотала Франческа.

Конни зарделась.

– Я ничего не хочу об этом слышать.

– Я тоже, – солгала Франческа. Ей не терпелось узнать, где проходила вечеринка и как развлекали гостей.

В комнату вошел лакей Джонатан и протянул конверт:

– Мисс Кэхил? Только что пришло с посыльным. Было велено передать вам лично.

Франческа не удивилась бы очередному букету, но столь странное послание заставило ее насторожиться. Что же там внутри и с какой целью передано именно ей? Конни мельком глянула на конверт и побледнела. Заметив ее реакцию, Франческа встревожилась. Она взяла конверт и похолодела. Письмо было адресовано ей лично, более того, рядом с именем крупными буквами приписано: «СРОЧНО».

Сердце заныло от тревожных предчувствий.

– Фрэн, не открывай его! – воскликнула Конни.

Франческа повертела в руках конверт и поблагодарила слугу.

– Мы справимся сами, Джонатан, – улыбнулась Франческа. Подождав, когда за ним закроется дверь, она перевернула конверт и оглядела обратную сторону. Она была безупречно белой.

Конни подошла ближе к сестре:

– Я хорошо тебя знаю. Ручаюсь, это начало нового расследования. Но ведь сегодня день твоей свадьбы, Фрэн. Не открывай его!

– Кон, я не собираюсь начинать сейчас никакого расследования, – успокоила она Конни и отошла к окну, ближе к свету. Впрочем, это было лишь предлогом, чтобы рассмотреть содержимое конверта, прежде чем его увидит сестра.

Внутри она обнаружила приглашение, гласившее:

«Частный закрытый просмотр работ Сары Чаннинг

В субботу, 28 июня 1902 года

Между 13:00 и 16:00.

№ 69, Уэйверли-Плейс».

Франческе казалось, что сердце сейчас упадет на пол. Колени подгибались, она с ужасом смотрела на приглашение.

– Что это? – бросилась к ней Конни. – Кто-то умер?

Франческа поспешила прижать листок к груди, чтобы сестра не смогла разглядеть написанное. Она смотрела на Конни, но ничего не видела, казалось, разум ее помутился. Перед глазами стоял ее портрет, который Сара написала в прошлом апреле по заказу Харта. На полотне Франческа вполборота сидела на кушетке и была изображена обнаженной.

Вскоре портрет был украден. И вести о нем появились именно сейчас.

Ее приглашают на него посмотреть.

Франческа постаралась взять себя в руки, смысл приглашения был ей понятен.

– Фрэн? Я принесу воды.

Франческа опустилась в ближайшее кресло. Сестра знала о том, что Харт заказал ее портрет, как знала и о последующем похищении, но от нее скрыли, что Франческа позировала обнаженной. Об этом почти никому не было известно.

Сердце заныло сильнее. Если портрет представят публике, она пропала. Это станет страшным позором для семьи – их репутация в глазах общества будет разрушена.

Из всех дней вор выбрал именно этот? Что ему или ей нужно?

– Нет, Кон, я в порядке! – Франческа вскочила и посмотрела на часы. Только половина двенадцатого. Она сможет быть на Уэйверли-Плейс, 69 через час – возможно, раньше, учитывая, что с наступлением лета движение в городе стало менее оживленным. Все всякого сомнения она успеет в церковь к трем. Еще останется достаточно времени одеться и привести себя в порядок.

Никто не должен увидеть этот портрет! Конни смотрела на сестру широко распахнутыми глазами.

– Что случилось?

Франческа заставила себя улыбнуться:

– Кон, я прошу тебя оказать мне услугу, огромной важности услугу.

– Нет. Что бы ни было в этом письме, оно может подождать. – Конни нахмурилась. Всегда доброжелательное выражение лица стало сердитым.

Франческа продолжала натянуто улыбаться.

– Я прошу тебя привезти мое платье, туфли и украшения в церковь. Я буду там в три часа.

– Ни за что! – воскликнула Конни.

– Конни, если я немедленно не займусь этим, нас ждут чудовищные неприятности!

– Займись этим после свадьбы.

– Конни, я уезжаю и в три буду в церкви. Клянусь, меня ничто не сможет задержать!

Глава 2

Суббота, 28 июня 1902 года. 12:00

Брэг сидел в автомобиле напротив своего особняка Викторианской эпохи и разглядывал дом, не замечая его привлекательной старомодной оригинальности. Он вспоминал недавний разговор с Франческой, и ему становилось за нее страшно.

Рик был уверен, что Харт сломает ей жизнь. Его брат всегда был темной и крайне эгоистичной личностью. Он жесток и самолюбив. Время от времени Харт оказывался на высоте, выставляя напоказ благородные черты характера, но вскоре вновь становился самим собой и продолжал служить своим интересам и удовлетворению амбиций. Франческа бескорыстна, Харт эгоистичен – можно ли представить более нелепый союз.

Но, несмотря на то что Брэг боялся вспоминать о прошлом, связывавшем его с Франческой, он не мог бы назвать себя сторонним наблюдателем. Его пугали внезапно вернувшиеся чувства. Он запрещал себе думать о времени их первой встречи, когда он был очарован ею – и она отвечала ему взаимным страстным интересом. Он не должен вспоминать об их спорах, увлекательных беседах, совместных расследованиях – или поцелуях и трепетной заботе друг о друге. Он ошибся. После четырех лет отсутствия жена вернулась к нему, и они помирились, как бы это ни было трудно для них обоих. Франческа увлеклась его братом, но прежде смогла убедить его в невозможности принятия решения о разводе. Об этом никогда не говорилось открыто, но в высших политических кругах страны не сомневались, что однажды Рик Брэг будет баллотироваться на высокую государственную должность, возможно даже в сенат Соединенных Штатов. Развод лишил бы его возможности сделать политическую карьеру.

Он стал спать отдельно. Потом Ли Анна настояла и вернулась на общее ложе – тогда он, в свою очередь, добился от нее исполнения супружеских обязанностей. Брэга одинаково вгоняло в ярость и то, что жена его бросила, и то, что она вернулась. Их примирение, начинавшееся как вынужденное урегулирование конфликта, превратилось в страстное воссоединение, однако возжелание его было подавлено злобой.

Первую половину прошедшей ночи он провел за работой, а вторую в размышлениях о том, что Франческа на следующий день выходит замуж. Брэг не заметил, как прошли последние недели. Он загружен работой в управлении. Прошел ряд арестов в Злачном квартале, организованных, разумеется, радикальным реформатором преподобным Паркхерстом, чьи мотивы были, впрочем, чисто политическими. Паркхерст громогласно заявлял, что его обязанность, как гражданина Америки, выполнить то, чего не делает полиция, занятая закрытием салунов по воскресеньям, в то время как пресса представляет сенсационной каждую деталь рейдов, возлагая во всех случаях ответственность на Рика Брэга. Мэр был взбешен действиями Паркхерста, но крайне недоволен и Брэгом. Ли Анна стала жаловаться на боли в ноге...

И потом он получил это чертово приглашение на свадьбу. Всего лишь неделю назад!

Рик был уверен, что сможет убедить Франческу найти себе другого мужа – кого-то более подходящего. Харт был не тем, кто должен оставаться с ней рядом. Что же делать? Он пытался уговорить ее отложить свадьбу – она отказалась. Теперь ему остается ждать в стороне и быть готовым подхватить ее, когда Харт разобьет ей сердце на тысячи маленьких кусочков, а Брэг не сомневался, что брат так и поступит.

Он понял, что автомобиль все еще заведен, и выключил двигатель. Отбросив очки на пассажирское сиденье, Рик нехотя выбрался из «даймлера». Впереди его ждали приятные выходы. Он отвезет жену и девочек в небольшой поселок Саг-Харбор, что на северном берегу Лонг-Айленда. Брэг провел почти всю ночь в кабинете, хотел закончить накопившуюся бумажную работу – отличный повод остаться в управлении. Это случалось не раз; Рик даже держал

в шкафу сменный комплект одежды. Не надо быть слишком прозорливым, чтобы понять, что он боится возвращаться домой. Когда же он стал избегать домашних?

Злость давно прошла, ее сменило чувство вины. До несчастного случая он обращался с женой отвратительно. Ли Анна никогда не винила его за произошедшее несчастье, Рик сам корил себя. Из-за него она была в таком состоянии, что позволила карете себя сбить.

Что же до его желаний, каждый раз, когда он хотел прикоснуться к Ли Анне, она отвергала его, отворачивалась, или притворялась спящей, или уклонялась под предлогом, что кто-то из девочек может проснуться и позвать ее.

Рик не был глупцом. Ли Анна страстная женщина, но и самолюбивая, ей сложно привыкнуть к своему искалеченному трагедией телу.

Она предложила Брэгу завести любовницу, даже говорила о разводе. Какая ирония жизни! Ведь тогда, в феврале, когда она вернулась к нему и желала примирения, именно он настаивал на разводе! Что же их связывает, если между ними нет ни взаимопонимания, ни любви, ни физического влечения? Но Рик знал, что никогда не сможет расстаться с Ли Анной, даже после того, как убедил себя, что в аварии нет его вины. Ведь она по-прежнему его жена, и если не он, то кто станет о ней заботиться?

Опустив голову, он прошел мимо стоявшей у дома коляски, запряженной серой лошастью. Внезапно экипаж показался ему знакомым, и сердце сжалось. Ли Анна вызвала доктора Финни.

Должно быть, у нее усилились боли – как ни странно, мысли об этом показались ему более приятными, чем воспоминания об их переменчивых и докучавших обоим отношениях. Рик направился к крыльцу небольшого кирпичного дома, который арендовал для своей семьи, надеясь, что девочки ушли в парк с няней и не станут свидетелями недомогания Ли Анны. Наклеив на лицо искусственную улыбку, он переступил порог особняка. Слух резал доносившийся со второго этажа шум. По лестнице пронеслась Кейти, и он бросился к ней в страхе, что она споткнется и упадет. На ее маленьком личике застыло выражение тревоги. Рик напрягся от пугающих предчувствий.

– Что случилось? – Он присел перед девочкой на колени.

– Миссис Брэг очень больно! – воскликнула та, глядя на него так, словно он единственный, кто способен помочь.

Эта семилетняя темноволосая девочка долго была в шоке. Она появилась в их доме после убийства ее матери и не сразу начала говорить и есть. Сейчас говорила, но изредка, и ела, как подросший пони. Кейти даже стала улыбаться, особенно когда Ли Анна была в настроении и относилась к ней по-матерински нежно.

Кейти очень волновалась за новую маму, и Рик понимал, что это не самые лучшие переживания для малышки.

– Кейти, миссис Брэг пострадала в страшной аварии.

Впоследствии ее часто будут мучить боли от старых травм.

– Почему они не пройдут? – прошептала девочка, подняв на него огромные карие глаза.

– В ее жизни будут и хорошие дни. Поднимусь наверх, узнаю, что сказал доктор Финни.

А где Дот?

– Обедает.

– Тебе лучше побыть с сестрой. Ты разве не голодна? Миссис Флауэрс прекрасно готовит. – Он заставил себя улыбнуться.

Кейти не ответила ему улыбкой и нехотя отвернулась. Брэг поспешил вверх по лестнице, стараясь унять поток эмоций. Удивительно, он тоже разволновался. На пороге спальни он остановился и задумался над тем, может ли мужчина так жить – мучиться от страха идти домой, проводить день за днем без радости и внимания, без секса, в состоянии постоянного ожидания опасности.

Ли Анна была еще не одета. На ней был красивый пенюар из синего шелка, черные как смоль волосы наспех убраны наверх. Колени укрывал шерстяной плед, словно ей было холодно. У кровати сидел Финни и разговаривал с пациенткой, похлопывая ее по руке. Ли Анна по-прежнему оставалась невероятно красивой, но казалась еще более хрупкой, как изящной работы фарфоровая статуэтка.

Заметив его, Ли Анна выпрямилась и расправила плечи. Брэг осторожно вошел в комнату.

– Как ты?

– Боли усилились.

Доктор встал, и мужчины обменялись рукопожатиями.

– Я оставляю настойку опия, чтобы миссис Брэг могла принимать его на ночь. По ее словам, она не может заснуть.

– С ногой все было в порядке, – напряженно произнес Брэг. – Сломанные кости срослись.

– Учитывая сложность травмы, миссис Брэг всегда будет испытывать боли в правой ноге.

Постарайтесь, чтобы она не полагалась только на настойку. Лекарство следует принимать лишь в случае крайней необходимости.

– Обязательно прослежу, – заверил Брэг. – Я провожу вас, доктор.

– Не стоит. – Финни сжал его руку. – Скоро увидимся, верно? На свадьбе Харта? – Он странно, словно с недоверием, покачал головой и вышел.

Брэг медленно повернулся.

– Я слышала каждое слово, – сказала Ли Анна и покраснела.

– Мне очень жаль, что у тебя начались боли, – ответил Брэг.

– Где девочки?

Он осознавал, как велика ее любовь к Кейти и Дот, но сейчас подумал, не цепляется ли она за них как за спасительную соломинку.

– Они обедают.

Рик подошел ближе, и глаза Ли Анны округлились от удивления. Ее внутреннее напряжение было столь очевидным, что наводило на мысль, не приняла ли она его решимость за желание заняться любовью и потому испугалась. Однако сейчас в его сердце существовала лишь давняя, застарелая усталость.

Рик хорошо себя знал. Стоит ей потянуться к нему, и он вспыхнет от возбуждения.

– Уже начало второго. Не хочешь одеться? – осторожно спросил он.

Ли Анна колебалась.

– У меня нет никакого желания идти на свадьбу.

Брэг был шокирован. Жена обожала светские рауты, это мероприятие, несмотря на июнь месяц, станет настоящим событием общественной жизни, о нем будет упомянуто в колонке светской жизни во всех изданиях от Бар-Харбора до Чарлстона. Он вспомнил, что последние несколько дней она не выходила из дому даже на привычную короткую прогулку в сквере в сопровождении помощника. Когда они познакомились, Ли Анна была одной из первых красавиц, открывавших свой сезон в свете, и посещала почти каждый званый ужин, на который получала приглашение. Она была рядом с ним на каждом благотворительном мероприятии, принять участие в котором он считал важным для карьеры. Рик понимал, что она погружена в меланхолию, но будет только хуже, если жена спрячется в четырех стенах. Ли Анна скривилась в недовольной гримасе:

– Разумеется, я пойду. Ты прав, пора одеваться. Где Нанет?

Им пришлось нанять для нее еще одну служанку, на этот раз женского пола, которая помогала принимать ванну и одеваться. Поскольку их доходы были не слишком высоки, вскоре от услуг помощника-мужчины пришлось отказаться.

– Я позову ее. – Брэг старался держаться как можно спокойнее.

Ли Анна благодарно улыбнулась, избегая встречаться с ним взглядом. Рик направился к двери, но задержался. Он терпеть не мог, когда жена погружалась в уныние.

Как же поднять ей настроение? Возможно, стоит сказать, что при желании она может не посещать свадебную церемонию, если ей так не хочется там появляться. Брэг повернулся.

Ли Анна держала в руках большую бутылку и наливала в чашку с чаем бренди.

Франческа была знакома с разными, в том числе и сомнительными районами Манхэттена. Это место было похоже на большой город с трущобами и бедными кварталами, фабриками и салунами, густонаселенный немцами, итальянцами, ирландцами, не говоря уже о русских, поляках и евреях. Благодаря приключениям она даже узнала о существовании «маленькой Африки» в Нижнем Ист-Сайде. Эмигранты, приезжавшие в город, образовывали целые этнические районы.

Франческа гордилась тем, что хорошо знала Нью-Йорк, но, несомненно, не так хорошо, как свои пять пальцев. Во время первого расследования – по поводу похищения ребенка соседей – она познакомилась с юным карманником, одиннадцатилетним Джоэлом Кеннеди. Мальчик защитил ее от вора, и Франческа взяла его под свое крыло, и не только из-за того, что он знал множество всевозможных тонкостей и был знаком с неизвестными ей аспектами жизни, сколько из желания изменить судьбу ребенка. Когда Джоэла не было рядом – что случалось, надо заметить, крайне редко, – она пользовалась картой, чтобы лучше ориентироваться на Манхэттене. Сегодня Джоэл остался с матерью, Мэгги, прекрасной швеей, ставшей Франческе доброй подругой и, возможно, предметом серьезного увлечения брата Франчески Эвана. По тому, как Мэгги отреагировала на ее приглашение на свадьбу, можно было предположить, какой хаос творится сейчас в доме Кеннеди. Несомненно, Джоэл, его братья и сестра готовятся к предстоящему событию.

На этот раз Франческе не пригодилась карта. Шофер кеба, который она остановила на улице, сразу сообщил, что дом номер 69 по Уэйверли-Плейс расположен на северной стороне Вашингтон-сквер.

Франческа немного успокоилась. Закрытый просмотр состоится всего в нескольких кварталах от Малберри-стрит, 300, где расположен полицейский участок.

И все же она заерзала как на иголках при мысли о том, что ее портрет находится совсем рядом, на Уэйверли-Плейс. Интересно, кто-то намеренно решил расстроить ее в день свадьбы? Если так, то наглецу это удалось!

Перед отъездом она пробралась в кабинет отца и с облегчением обнаружила, что он пуст; вероятно, Эндрю отправился на прогулку в парк. Франческа быстро воспользовалась телефоном. Все могло бы пройти быстрее, если бы Беатрис, оператор, не взялась поздравлять ее с предстоящей свадьбой. Харта не оказалось дома – представить невозможно, куда он мог уйти в столь важный для них день, – и она разговаривала с дворецким Альфредом. Он осведомился, не желает ли она оставить сообщение для хозяина, но Франческа была едва жива от страха, поэтому не могла сказать что-то более или менее связное. Когда она выбегала из дома, вслед ей донеслись слова Конни, что она сумасшедшая.

Франческа взглянула на маленькие карманные часики, что приобрела совсем недавно; раскрытие преступлений дело трудоемкое, а она так и не избавилась от привычки опаздывать. Половина первого. Дорога заняла больше времени, чем она рассчитывала, но в запасе оставался еще целый час.

Франческа ехала по Пятой авеню на юг. Впереди показались зеленые лужайки Вашингтон-сквер, по обе стороны улицы возвышались старые каменные особняки, на первых этажах некоторых были открыты рестораны и таверны. Наконец, кеб свернул на нужную улицу, тянущуюся вдоль парка. Дома здесь были построены из более темного камня и утопали в тени вязов. Нижние этажи занимали магазины.

Внимательный взгляд Франчески выхватил одну яркую вывеску на фасаде: «Галерея Мура».

– Стоп, извозчик! Стоп! – закричала она, всматриваясь в номер дома. Номер 69.

Франческа порылась в сумочке.

– Вас подождать, мисс? – спросил кучер с сильным итальянским акцентом.

Она задумалась и поспешно оглядела прохожих. Несмотря на время отпусков, в парке было весьма многолюдно. Дамы в легких летних платьях, некоторые из них с зонтиками, катили детские коляски или прогуливались под руку с джентльменами, одетыми кто в рубашки, кто в костюмы с галстуками и цилиндры. Мимо пронеслась пара девушек-велосипедисток. Одна из них была в укороченных спортивных штанишках. За ними с лаем бросилось несколько маленьких собачонок, где-то в стороне взмыл в небо воздушный шар.

Франческа с тревогой посмотрела на галерею, устроенную на цокольном этаже. Похоже, этот особняк в георгианском стиле служит домом одной семье. Вязы на тротуаре окружали клумбы с нарциссами, окна украшены ящиками с красочными цветами. Вашингтон-сквер был старым и густонаселенным районом, но при этом оставался местом не фешенебельным, а популярным среди представителей среднего класса. Мимо проехала двуколка, и Франческа подумала, что могла бы отпустить кеб.

Она так спешила выйти, что оступилась по неосторожности. Посмотрев на здание, она опасливо огляделась. Сердце колотилось от страха.

Казалось, все жители района гуляли в парке, такими безжизненными выглядели дома вдоль улицы.

Франческа открыла сумочку и достала пистолет. Он был заряжен. Человека, укравшего ее портрет, мужчину или женщину, в любом случае можно считать вором. Для нее не станет неожиданностью, если вор решился на шантаж или заманил ее в галерею с целью отомстить. Было бы глупо не подумать о самозащите.

Украденный из мастерской портрет может находиться в этом доме. Франческа молила Бога, чтобы так оно и было.

Справа она заметила каменную лестницу с широкими ступенями, ведущую в жилые помещения на втором этаже прямо над галереей. Значит, чтобы добраться до нужной ей двери, придется спуститься вниз. Продолав этот путь, Франческа увидела белую вывеску. Черными буквами на листе было выведено: «Закрито».

Она остановилась в нерешительности и сжала рукоятку пистолета. Сама дверь была из стекла, но закрыта железными решетками. Она постаралась заглянуть внутрь одного из нескольких огромных окон галереи, призванных, вероятно, пропускать больше дневного света. Франческа представила, что внутри, должно быть, сейчас мрачно и тихо.

В правом окне она увидела лист бумаги. Франческа подошла ближе и прочитала:

«Лето: понедельник—пятница, 12:00–17:00».

Галерея была закрыта для посетителей. Франческа испытала внезапное облегчение, не подарившее, однако, полного успокоения. У входа висел колокольчик и рядом увесистый дверной молоток. Потянувшись, Франческа взялась за ручку, повернула, и дверь неожиданно отворилась.

Определенно ее здесь ждали.

На мгновение она подумала о том, как бы хорошо получилось, если бы Харт оказался дома или при передаче письма присутствовал Брэг. Она несколько раз нервно моргнула. Внутри царил полумрак, свет не зажжен, поэтому галерея была погружена во тьму.

Франческа вошла и как можно тише затворила за собой дверь. От страха кожа покрылась мурашками, так явно ощущалось чье-то присутствие. В следующую секунду Франческа едва не вскрикнула – на стене перед ней висел ее собственный портрет.

Она сцепила руки, стараясь унять дрожь. А она уже и забыла, каким великолепным был портрет – и каким вызывающим. На изображенной женщине не было ничего, кроме жемчужного кольца. Она сидела вполоборота к зрителю. Смотревшему на портрет были хорошо видны не только ягодичы, но и обнаженная грудь.

Ее лицо было легко узнаваемо, но самым страшным было то, что на нем ясно угадывалось выражение чувственности и нескрываемого вожделения.

Позируя для портрета, Франческа думала только о Харте.

Первым желанием было броситься к портрету, сорвать его со стены и уничтожить. Что ж, у нее еще будет на это время, сейчас необходимо взять себя в руки. Чего добивается этот вор? Почему дал о себе знать именно сегодня? Ему нужны деньги? Или он решил ее уничтожить?

Интересно, за ней кто-то наблюдает?

Казалось, она чувствует на себе чей-то взгляд – ей это совершенно не нравилось, более того, было чертовски неприятно. Франческа вернулась к двери и посмотрела сквозь стекло на улицу. Никого.

Она прошла по комнате, держа наготове пистолет. Если за ней наблюдают, нет никакого смысла хранить молчание. Франческа оглядела картины на стенах, среди них не было ни одной работы Сары Чаннинг. Ее стиль был своеобразным – классический, но с чертами импрессионизма, оттого запоминающимся.

– Где вы? – выкрикнула Франческа и повернулась в противоположную сторону. Перед ней была лишь серая стена. – Кто вы? Что вам надо?

Слова эхом разлетелись по полупустой комнате. Франческа заметила приоткрытую дверь, но застыла в нерешительности.

– Выходите. Я знаю, вы здесь. – Она сглотнула и выпрямилась, прислушиваясь. Единственные звуки, донесшиеся до ее ушей, были удары собственного сердца и шум прерывистого дыхания.

Франческе стало по-настоящему страшно. А почему бы и нет? Некто заманил ее в галерею. Необходимо любым способом завладеть портретом.

– Я хорошо заплачу вам за картину! – изо всех сил закричала Франческа.

Ответа не последовало.

Она застыла, не сводя глаз с темного дверного проема. Что это за игра?

С сожалением Франческа опустила руку и убрала пистолет за пояс юбки. По-другому не получится достать свечу и спички из сумочки. Несколько месяцев назад она стала пользоваться более вместительной сумкой, чтобы в ней помещались все необходимые вещи. Франческа зажгла свечу и вскоре смогла разглядеть, что открытая дверь вела в небольшой кабинет с рабочим столом, креслом и тумбочкой с картотекой.

Она подошла ближе к столу, но не увидела ничего, кроме квитанций и нескольких записок. Прочитать их было довольно сложно, слишком неразборчивым был почерк писавшего, однако ни ее имя, ни имя Харта в них не упоминалось. Со стоявшего рядом подноса Франческа взяла визитную карточку.

Галерея Мура – покупка и продажа предметов искусства.

Владелец – Даниэль Мур.

№ 69, Уэйверли-Плейс.

Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

Она открыла один за другим несколько ящиков, но бумаг было слишком много, а времени у нее совсем мало. *Время.* Франческа похолодела и потянулась к сумочке, которую оставила на столе. Почти половина третьего.

Кровь застучала в висках. У нее нет времени разбираться в ситуации. На бракосочетании будет Брэг, она успеет рассказать ему все до начала церемонии и попросит съездить в галерею и забрать полотно. Но как же она может сейчас оставить портрет здесь?

Проклятье, что же на самом деле нужно этому вору?

Франческа затушила свечу кончиками пальцев и оставила ее на столе – она брала с собой несколько про запас. Подхватив сумку и вытащив пистолет из-за пояса юбки, она вышла из кабинета.

В следующую секунду со стороны входной двери послышался тихий скрип.

Франческа метнулась вперед:

– Кто здесь?

Никакого ответа.

Скривившись от разочарования, она вновь решительно заткнула пистолет за пояс и потянулась к холсту. К ее огромному удивлению, ей не удалось сдвинуть его с места. Портрет не висел на стене, он был прибит к ней гвоздями.

Франческа потянула изо всех сил, но без результата.

В этот момент до нее донесся звук запираемой двери.

Она бросилась к входу в надежде увидеть перед собой ехидно ухмыляющееся лицо, но вместо этого заметила лишь тень, перемещавшуюся в сторону улицы.

Она громко закричала и принялась изо всех сил дергать за ручку – дверь была заперта снаружи.

Франческа кричала и трясла дверь, но та не поддавалась.

Ошеломленная, она застыла на месте, в душе зарождался леденящий ужас.

Ее заперли.

Как же ей выбраться? Как успеть на свадьбу?

Колдер Харт стоял у окна в зале на втором этаже пресвитерианской церкви на Пятой авеню и довольно улыбался. На нем уже был торжественный наряд, оставалось лишь повязать галстук. Пятая авеню была безлюдна. Все, кто чего-либо стоил в этой жизни, уехали из города на лето – кроме тех, разумеется, кто принадлежал к самым сливкам общества и благоговел перед Джулией Ван Вик Кэхил или боялся ее.

В отсутствие интенсивного движения улица выглядела особенно очаровательно, взгляд без помех различал величественные особняки, элегантные здания, эксклюзивные бутики и престижные клубы. У церкви стояли лишь три экипажа; до прибытия гостей оставалось еще достаточно времени. Он взглянул на старинные напольные часы в углу комнаты для переодеваний. Стрелка всего на несколько минут отклонилась от трех. Харт повернулся к окну. Нет, он не тревожиться в ожидании невесты – он не подозрителен, но хотел бы увидеть ее до начала церемонии, просто на всякий случай. Харт улыбнулся своим мыслям. Сомнительно, что Франческа уже находится в церкви вместе с матерью и сестрой и придирчиво завершает туалет, словно последние штрихи могли сделать ее еще прекраснее.

Всего несколько месяцев назад Харт крайне изумился бы, скажи ему кто-то, что он окажется на свадьбе в качестве жениха, Колдер бы решил, что этот человек шутит. И все же он стоит сейчас здесь, стараясь унять все чаще бьющееся сердце и привести в порядок расшатавшиеся нервы.

– Привет, Колдер. – В голосе слышались смешливые нотки. – Еще не собираешься лихорадочно искать выход?

Харт бросил последний взгляд на Пятую авеню. Двое полицейских в синей форме и с дубинками стояли на углу и болтали. Скорее всего, скоро они займутся регулированием движения.

Он повернулся к вошедшему молодому человеку. Рурк был удивительно похож на своего отца, Рата Брэга. Он был высок и широкоплеч, волосы отливали золотом, глаза светились янтарным светом, кожа была смуглой, словно тронутая загаром. И по характеру Рурк был человеком солнечным и оптимистичным. Он приходился сводным братом Рикку, но, поскольку Харта взяли в семью Брэг в возрасте девяти лет, когда умерла его мать, он тоже считал парня родственником.

Рурк вызывал симпатию. Он изучал медицину и был невероятно предан будущей профессии. В этом молодом человеке не было и капли лицемерия.

Кстати о лицемерии... Скоро должен приехать Рик Брэг. Вчера он провел с ними лишь полтора часа в «Шерри Нидерланд», где компания отмечала последний день холостой жизни Колдера Харта. Он грустно усмехнулся. Ему редко удавалось в чем-то превзойти брата, но сегодня он его обошел.

Он никогда не забудет, что несколько месяцев назад у Брэга был роман с его невестой, но Франческа выходит замуж за *него*.

«Отличный реванш», – подумал Харт с возрастающим удовольствием.

– Должно быть, обливается потом от страха, – добавил Грегори, младший брат Рурка.

Он был на три года моложе двадцатичетырехлетнего Рурка и работал в Сан-Франциско у своего дяди, Брэта Даршана, судостроительного магната. Узнав о свадьбе, он первым поездом выехал в Нью-Йорк. Харт просил Рурка, Грегори, их младшего брата Хью и молодого Ника Даршана быть друзьями жениха.

– Бог мой, Харт, – усмехнулся Грегори, – сегодня все закончится. Больше никаких женщин, сумасшедших оргий, только кандалы и узы. Ты, должно быть, страшно нервничаешь.

Харт медленно растянул губы в улыбке.

– Если хочешь знать, терзают ли меня сомнения, скажу, что нет.

Все в комнате повернулись в его сторону. Отсутствовал единственный мужчина, который будет присутствовать на церемонии венчания, – отец невесты. Эндрю Кэхил остался внизу, чтобы лично поприветствовать каждого гостя.

– Видимо, это любовь, – хихикнул Хью Брэг. Он приехал из Техаса всего два дня назад.

Харт умел игнорировать разговоры, которые были ему неинтересны.

– Я женюсь на самой удивительной женщине на планете, – перебил он молодого человека. – Стоит ли говорить что-то еще?

Присутствовавший здесь же брат Франчески Эван Кэхил усмехнулся.

– И звезды, бывает, падают с неба, – пробормотал он.

– Как я уже сказал... – продолжал Хью и потянулся к бокалу с шампанским.

Ему было лишь пятнадцать, поэтому отец ловко выхватил из его руки фужер, прежде чем тот успел сделать глоток. Скривившись, Хью принял от Альфреда стакан с пивом.

Харт верил в то, что говорил, и ни в чем не сомневался. Всего через несколько дней после знакомства с Франческой он понял, что никогда не встречал столь потрясающей женщины. Она была так же смела, как и красива. Наделенная высоким интеллектом, она обладала амбициями, какие редко встретишь у мужчин. В ней было все хорошее, что есть в мире, неподдельная чистота и искренность. Единственное качество, вызывавшее тревогу Харта, была наивность Франчески. Он никогда не встречал человека столь преданного и великодушного. Харт неоднократно убеждался, что Франческа не способна оставить в беде никого, кто бы нуждался в помощи.

Помимо всего, она была очень независимая женщина.

Большинству мужчин не понравилось бы ее нежелание подчиняться чужой воле, Харт же восхищался ее свободолобием.

Конечно, она бывала безрассудной и импульсивной, но, несомненно, умела рассуждать здраво. Теперь, когда он знал, с какой решимостью она способна броситься наперерез мчащемуся поезду, он обязательно будет рядом, чтобы удержать от необдуманных поступков. Благодаря Франческе у него уже появилось несколько седых волос – а ведь они знакомы всего пять месяцев.

Впервые Харт увидел Франческу 25 января в кабинете Рика, но поговорить они смогли лишь 31-го числа того же месяца на вечеринке на крыше Мэдисон-сквер-гарден. К 23 февраля он уже знал, что Франческа – единственная женщина в мире, с которой ему никогда не будет скучно. Он с удивлением наблюдал, как ее дружба становится для него дороже всего в жизни. Решение пришло внезапно, и он неожиданно для себя попросил Франческу стать его женой. Стоит ли говорить, насколько это предложение шокировало Франческу.

Через пять дней она ответила ему согласием.

Невозможно было представить, что все пойдет так далеко, но Харт мечтал жениться на Франческе Кэхил, он был уверен, что ему нужна именно эта женщина. Он был единственным представителем высшего общества, заработавшим состояние благодаря огромному честолюбию и непомерным для человека, выросшего в нищете, амбициям.

Колдер с нетерпением ждал первой брачной ночи, хотя тщательно скрывал свое нетерпение, притворяясь равнодушным и сдержанным. Он так привык соблазнять женщин, что это стало для него своего рода игрой. Но с Франческой он не хотел быть таким, как со всеми остальными, к ней он испытывал уважение, поэтому не покушался на ее невинность до поры, пока не произнесены клятвы у алтаря.

На мгновение его охватила нервная дрожь.

Невеста считала его благородным человеком. Самое удивительное качество Франчески – непоколебимая вера в него. Она не понимала, что в жизни он руководствовался только собственными интересами – всегда. Будь он поистине благородным, непременно бы отказался от нее, посоветовав найти себе более достойного мужа – такого как Рик. Но Харт этого не сделал. Франческа была его единственным настоящим другом. Лучшим другом. Разумеется, она должна целиком принадлежать только ему.

Порой Харт пугало, что Франческа не видит его таким, какой он есть. Он понимала, что настанет день, когда его мир взорвется, – день, когда Франческа осознает, каков он на самом деле.

В тот самый момент, когда Харт стоял у окна, погруженный в мрачные мысли, открылась дверь, и в комнату вошел Рик Брэг.

Харт внимательно посмотрел на брата, отказавшегося от всех удовольствий в жизни ради борьбы за справедливость, равенство и свободу для всех граждан страны. Харт презирал сводного брата за то, что он был самоотверженным настолько же, насколько он сам был эгоистичным – добропорядочный благодетель человечества. Рик верил, что способен спасти мир, и верил совершенно искренне. И все же он не был безупречным джентльменом, каким хотел казаться. У него тоже были скрытые темные желания, как у любого человека из плоти и крови. Харт частенько не понимал стремлений брата во всем поступать согласно моральному кодексу и был в восторге, когда попытки Рика заканчивались неудачей. К несчастью, такое случалось крайне редко. Чаще приходилось признать, что миру нужны такие люди, как Рик Брэг, как и женщины, подобные Франческе Кэхил, в противном случае жизнь превратилась бы в ад.

Харт мечтал, чтобы Рик не был его сводным братом, ведь он был хорошим, а Харт плохим, Рика все любили, а Харт нет. Рик был своим, его принимали, Харт оставался чужаком в мире, в котором жил, несмотря на богатство и власть.

Однако больше всего Харта бесило то, что Рик был первым мужчиной, которого поцеловала Франческа, что он ухаживал за ней первым.

Сейчас Рик выглядел подавленным. Харт не улыбнулся ему. Брат мог бы стать идеальной партией для Франчески, они были очень похожи – прогрессивно мыслящие реформаторы, капли святой живительной влаги. Харт всегда знал, что они подходят друг другу. Но Франческа выбрала его.

– Здравствуй, Рик, – напряженно сказал Харт. – Не думал, что ты придешь. – Эту битву он выиграл и может насладиться победой.

Рик оставался хмурым.

– Я и не собирался.

Харт подошел ближе, лицо приобрело хищное выражение. Нет, он не станет лицемерить и просить Рика встать в ряд друзей жениха.

– И почему же, скажи на милость, ты передумал? Ведь у тебя нет повода радоваться моему браку с Франческой?

– Я виделся с ней утром.

Харт насторожился. Сюрпризы он не любил.

– Она по-прежнему без ума от тебя. Ты же знаешь, какая она доверчивая и наивная.

Кулаки непроизвольно сжались.

– Она приходила к тебе?

Зачем ей встречаться с Риком утром в день свадьбы? Ах, ясно зачем!

Рик молча смотрел на брата, наконец тот слегка улыбнулся.

– Нет, Колдер. Я ездил к Кэхилам. Хотел убедить ее отложить свадьбу. Я очень боюсь за Франческу.

Харта ослепила ярость и ревность, лишь на мгновение, но он успел подумать, что Франческу все же гложут сомнения.

– Я буду заботиться о ней – так хорошо, как только смогу. – В голове возникли пугающие инсинуации.

Рик вспыхнул и заговорил, понизив голос:

– Чтобы со временем она все больше увлекалась тобой, так? Но настанет день, когда одной страсти станет мало.

Первым желанием Харта было выгнать Рика вон, но через полчаса он будет стоять у алтаря, прозвучат взаимные клятвы верности жениха и невесты, и он хочет, чтобы Рик присутствовал при этом и ревновал так же, как когда-то он сам.

– Ты знаешь, что я прав. Ты отказался от Франчески в тот день, когда была убита твоя любовница Дейзи, чтобы защитить ее от себя самого. И сейчас ты должен поступить правильно. Отмени свадьбу.

Несмотря на отвратительное состояние, Харт заставил себя улыбнуться. Он разорвал помолвку с Франческой, когда был арестован по подозрению в убийстве бывшей любовницы. Он не хотел, чтобы имя Франчески ассоциировалось с ним. Он не смог бы жить дальше, зная, что разрушил ее жизнь.

– Сейчас я не под арестом. И не в тюрьме. Меня не подозревают в убийстве. Сейчас я самый богатый человек в стране.

Он до сих пор не мог отделаться от мысли, что Рик все еще любит женщину, которую он скоро поведет к алтарю.

Брат был сбит с толку возвращением своей жены и вспыхнувшей в нем страстью к ней, но страсть – это не любовь, она недолговечна. Кроме того, Рик весьма умен, его шоры скоро падут. Ли Анна эгоистичная и слабая женщина, полная противоположность сильной и доброй Франческе. Рано или поздно Рик поймет, какую совершил ошибку, – если уже не понял.

Харт продолжал, гневно сверкая глазами:

– Я дам Франческе ту жизнь, которую она заслуживает, – полную свободы и возможностей поступать как пожелает. Никто и ничто меня не остановит, и уж точно не ты. Через несколько минут мы будем стоять перед преподобным Крамером, который объявит нас мужем и женой. А ночью я совершу то, что сделает наш союз нерушимым, и никто – даже ты, Рик, – не сможет встать между нами. Еще через несколько дней мы отправимся в Париж. Ты знаешь, я купил новое судно, которое перевезет нас через Атлантику? Мы будем единственными пассажирами.

Рик покраснел.

– Страсть – не любовь. Ты никогда не найдешь ключ к пониманию этих слов.

– А ты нашел? – усмехнулся Харт. – Очаровательная Ли Анна ждет тебя внизу – или уже наверху в спальне?

Рат сделал несколько шагов и встал между ними.

– Поверить не могу, что вы двое продолжаете вести себя, как дети! – Он бросил суровый взгляд на Харта. – Зачем ты провоцируешь его, когда знаешь, как он относится к Франческе. – Рат повернулся к Рикку: – Ты женат и нужен своей жене. Сегодня день свадьбы Харта – нравится тебе или нет!

– Я боюсь за Франческу, – сказал Рик, даже не взглянув на Рата. – Он разрушит ее жизнь, если не в одночасье, то будет делать это медленно и целенаправленно. – Он резко развернулся, собравшись уходить.

– Рик, не трать свое время на присутствие на церемонии, – почти нежно сказал Харт, закипая от злости. Рик ошибается. Он никогда не сможет причинить Франческе боль. Он очень надеялся, что его темные желания не навредят им обоим, как это бывало в его жизни раньше.

Рик обернулся и посмотрел на Колдера:

– Приношу свои извинения. Утром я благословил Франческу. От чистого сердца. Я хочу, чтобы она была счастлива. Желаю вам обоим счастья в браке. Надеюсь, ты сможешь стать преданным и благочестивым мужем. – Он покраснел. Определенно, произнести эти слова ему было непросто.

Харт вскинул брови и с недоверием посмотрел на брата:

– Ты благословил Франческу?

– В отличие от тебя я разборчив в средствах. – Выражение лица его было напряженным до предела. – Я стараюсь, как бы трудно это ни было.

Харт не смог сдержать смех.

– Разумеется – ты же такой благородный!

Подошел Рурк и протянул ему бокал со скотчем.

– Выпей. Рик извинился, ты должен сложить оружие, по крайней мере, до конца дня.

Харт повертел в руках бокал, но не сделал ни глотка. Он был чрезвычайно заинтригован. Только Рик был способен в такой ситуации дать благословение. Интересно, будет ли его брат так же благороден в мыслях и в конце дня, когда они с Франческой отправятся вечером домой, чтобы заняться любовью. Харт очень надеялся, что Рик будет бродить по дому без сна, постоянно думая о них.

Раздался стук в дверь, и на пороге появился Грегори. Через секунду Харт увидел бледное лицо Джулии, стоявшей рядом с перепуганной Конни, и сердце его забило сильнее. Он повернулся и посмотрел на старинные часы. Половина четвертого.

– Джулия? – Рат поспешил им навстречу.

Харт заметил жену Рата Грейс, обнимавшую Джулию, словно та была готова упасть в обморок.

– Я не знаю, где она может быть! – выкрикнула Джулия. – Франческа до сих пор не приехала. Ее нет дома, и ее никто не видел с полудня!

Все замолчали и замерли в оцепенении. Казалось, время в комнате остановилось.

Франческа не приехала.

Разумеется, нет. Свадьбы не будет – впрочем, это нельзя назвать неожиданностью. Франческа наконец-то прозрела.

Глава 3

Суббота, 28 июня 1902 года. 16:00

Горло саднило от криков о помощи. Франческа сползла по двери в галерею, глаза застилали слезы. Как же ей отсюда выбраться? Она так долго звала на помощь, но ее никто не слышал.

Она не сразу осознала, что заперта снаружи. Дрожащими руками она взяла сумку, которую уронила на пол, когда услышала, что в замке входной двери поворачивается ключ. Франческа перевела взгляд на противоположную стену и принялась разглядывать портрет, висевший на стене.

Ее заманили в галерею и заперли.

Кому-то было нужно, чтобы она не пришла на собственную свадьбу – единственный вывод, который напрашивался в такой ситуации. Нет, она не пропустит венчание! Она должна выбраться из этой тюрьмы. Она любит Колдера Харта и так долго ждала дня, когда станет его женой. Нельзя допустить, чтобы он стоял у алтаря в растерянности, не понимая, куда она подевалась!

Франческа прошла в маленький кабинет, продолжая размышлять, кто мог так с ней поступить.

За последние шесть месяцев у нее появилось немало врагов. Каждое расследуемое ею дело приводило к наказанию преступника. Скорее всего, список желающих отомстить весьма велик. Франческа представила, что сейчас могла быть в церкви и готовиться к венчанию с Хартом.

Она опустила глаза и оглядела вещи, выпавшие из сумки, встала на колени и подняла карманные часы. Сердце оборвалось, когда она увидела, что стрелка часов подбирается к цифре четыре.

Ее друзья, три сотни приглашенных гостей собрались в церкви. Каждый из них – в том числе и Колдер – уже знает о том, что она не приехала.

Как же они, должно быть, волнуются! Почему же она не оставила записку Альфреду, почему не показала Конни это чертово письмо? Но она ничего этого не сделала, поэтому ни у кого нет представления о том, куда могла уйти невеста.

Франческа, наверное, целый час звала на помощь в надежде, что ее кто-то услышит. К несчастью, галерея располагалась в полуподвальном помещении, достаточно далеко от дороги, чтобы на улице были слышны ее крики. Надо искать другой способ выбраться.

Она сразу же отклонила возможность выбить окно входной двери, поскольку то было зарешечено. Франческа бросилась в кабинет, вспомнив, что окно там не настолько мало, чтобы в него не мог пролезть человек.

Она остановилась и принялась разглядывать два небольших окошка, расположенные очень высоко, почти под потолком. Дневной свет с трудом проникал в помещение. Приблизительно восемнадцать—двадцать дюймов в ширину. И столько же в высоту.

Даже Франческа, женщина стройная, вред ли выберется наружу, даже если сможет разбить стекло. Случись все это не в столь торжественный день, она бы продолжила звать на помощь – ведь когда-нибудь ее услышат прохожие, – но сейчас надо действовать быстро, пока она не опоздала дать клятву верности любимому мужчине. Время венчания неумолимо приближается.

Франческа огляделась и быстро поняла, что необходимо подвинуть стол к стене и поставить на него тумбочку с картотекой. Письменный стол выглядел маленьким, но оказался неожиданно тяжелым. Прошло достаточно много времени, прежде чем Франческе удалось дотащить его до стены. Решительно махнув рукой, она сбросила со стола все бумаги и заня-

лась картотекой. Она подтолкнула тумбочку к столу, каким-то образом смогла взгромоздить ее сверху, при этом спина разболелась так, что казалось, сейчас переломится. Переведя дух, Франческа оглядела плоды своих усилий, а затем посмотрела на окно.

Если она застрянет в нем, то не сможет провисеть так всю ночь. Перспективы ужасали.

Однако выбора не было. Франческа решительно скинула туфли и стянула чулки, чтобы не скользили, и забралась на стол. Попробовала ногой, устойчива ли тумбочка. Вполне. Задрав юбку, Франческа поставила ногу на тумбочку, цепляясь пальцами за грубую поверхность стены, и посмотрела вниз. Она боялась высоты, но сейчас до пола не больше шести футов, впрочем, крепость импровизированной лестницы не внушала ей доверия. Франческа вздохнула и медленно постаралась перенести на тумбочку вторую ногу.

Опора покачнулась. Франческа замерла, стараясь сохранить равновесие. Через несколько минут она уже стояла, прижавшись к стене и уцепившись руками в подоконник – крошечный выступ, не шире четырех дюймов. Перед глазами было стекло, оказавшееся толстым и грязным. Сердце билось от страха, но Франческа была довольна успехами.

Через секунду она погрузилась. Окно выходило на нечто похожее на лужайку на заднем дворе. Ей казалось, что она могла бы в него пролезть, но одно дело желать чего-то, и совсем другое – исполнить. Когда она выбьет стекло, придется подпрыгнуть, чтобы дотянуться до проема. Если она сорвется, то упадет с этой высоты прямо на пол.

Франческа осторожно потянулась к поясу юбки, чтобы достать пистолет. Тумбочка под ногами слегка покачнулась, но все же устояла. Сжав в руке пистолет, Франческа выдохнула, собираясь с силами, и, замахнувшись, ударила по стеклу.

Оно разлетелось на куски.

Прикрыв лицо рукой, Франческа отвернулась, но все же почувствовала, как в щеку впицается острый осколок.

Дрожа от страха, она сумела устоять на шаткой тумбе. Отдышавшись, принялась откалывать от рамы оставшиеся куски стекла. Узкий подоконник казался ей недостаточной опорой, сможет ли она подтянуться и лечь грудью на раму?

В любом случае необходимо попытаться.

Отталкиваясь ногами, она изо всех сил напрягла руки и рванула вверх. На мгновение ей показалось, что у нее получилось. Грудь больно ударилась о бетонную преграду, но в следующее мгновение она почувствовала, что потеряла опору, руки соскользнули, и Франческа полетела вниз.

Она прозрела и осознала, как глупо выходить за него замуж.

Пол будто приподнялся, надвигаясь на него, но в следующую секунду Харт почувствовал руку, сжимавшую его плечо. Это был Рат.

– Как это ее нет? – несколько растерянно спросил он. – Где же она?

Харт напряженно вглядывался в испуганное лицо матери Франчески. Джулия была бледна. Она тихо застонала – такого проявления эмоций никогда не позволяла себе на публике. Стоящие за ней Грейс и Конни были похожи на привидения.

– Она не приехала, Рат! – воскликнула Джулия. – Последний раз ее видели в полдень, садящуюся в кеб. Я понятия не имею, где Франческа!

Повисла устрашающая тишина. Харт с трудом смог заставить себя думать. В полдень Франческа садилась в кеб. В душе зародилось неприятное подозрение. Его невеста сбежала? Харт перевел взгляд с Джулии на Конни. Леди Монтроуз выглядела смертельно напуганной. Харт посмотрел на Рика, который был ошарашен услышанным не меньше остальных.

«Она не сбежала с моим братом», – ухватился Харт за мелькнувшую мысль. Рик ведь здесь. Но Франческа сбежала.

Он чувствовал, что все взгляды обращены к нему, и старался ни на кого не смотреть. Ужас сменился внезапно нахлынувшими сомнениями.

Франческа сбежала.

Он остался один у алтаря.

Перед глазами замелькали картинки из прошлого: Франческа улыбается ему и смеется, взгляд ее полон любви и нежности, все это предназначается ему одному. Харт еще глубже погрузился в воспоминания, в том числе и о брате, и поразился тому, как мог надеяться, что Франческа выйдет замуж за него, Колдера. Каким же он был глупцом. Она никогда не видела в нем будущего мужа. Брэг – только с ним Франческа хотела идти по жизни, мечтала, чтобы он стал ее любовником...

Она хотела Харта, но любила Брэга.

Он был на втором месте.

От осознания столь очевидных теперь вещей Харт внутренне сжался. Как он мог быть таким глупцом?

– Кто видел ее последним?

Харт очнулся и понял, что на сцену вышел Рик.

– Конни, – резко ответила Джулия. – Франческа просила ее привезти ее платье сюда, сказала, что они встретятся в три часа.

– Я умоляла ее не уезжать! – не сдержалась Конни.

Харту казалось, что он слышит их разговор сквозь толстую пелену. С ним происходило что-то странное, но он старался не обращать на это внимание. Как Франческа могла с ним так поступить?

Кадры в голове сменяли друг друга, напоминая о тех моментах, когда он держал ее в своих объятиях, – после бокала скотча в его библиотеке, поздней ночью в карете, во время ужина при свечах в клубе. В их отношениях было много разговоров и споров, шуток и смеха, страсти и любви. Он полностью вверил ей себя. Он знал, что всегда может положиться на нее. Неужели он обманывался?

Харт всегда знал, что был для Франчески второй попыткой, и никогда об этом не забывал.

Внутри появилось незнакомое странное ощущение, словно что-то щелкнуло – нет, скорее, лопнуло – и развалилось на части. Харт старался не реагировать, он не имеет права выказывать удивление или разочарование. Он должен был раньше подумать о том, как может закончиться этот день.

В эту секунду он понял, что Конни обращается к нему.

– Я не знаю, что было сказано в этой записке. Франческа мне не показала. Я умоляла ее никуда не ехать! Она поклялась, что будет здесь к трем!

– Она не оставила записку в гостиной? – спросил его сводный брат.

– Конверт был у нее в руках, когда она бросилась наверх, чтобы взять сумочку. – Конни заломила руки. – Только Франческа способна откликнуться на чье-то письмо в день собственной свадьбы! – Она с мольбой посмотрела на Харта.

Его взгляд оставался холодным. Какое ему дело до чьей-то записки.

– Франческа ничего не сказала об этом послании? Вообще ничего? – настаивал Рик.

– Нет. – Конни старалась сдержать слезы. – Она показалась мне очень расстроенной.

Харт едва не рассмеялся от душившей его горечи. Франческа получила расстроившую ее записку – веская причина не явиться на венчание. А он мечтал провести рядом с ней всю оставшуюся жизнь. Мечтал показать ей мир, подарить все самое лучшее, чего бы она ни пожелала. Представлял, как они вместе будут любоваться пирамидами в Египте и Великой Китайской стеной, руинами греческих городов и храмом Давида; Харт всем сердцем желал разделить с ней восторг от красоты работ великих художников, увидеть примитивные рисунки в пещерах

Норвегии, Стонхендж в Великобритании, средневековые сокровища Ватикана. Как она могла так с ним поступить?

Он всем сердцем отдался их дружбе. У него никогда не было друзей до знакомства с Франческой, он считал, что ее дружеские чувства к нему бессмертны. Как же он ошибался. Друзья не предают друг друга.

Харт огляделся и увидел, что к нему подошел Рурк и протягивает бокал. Он подарил ей всего себя – преданность, дружбу, – а в награду получил побег в день свадьбы. На глазах у трех сотен выдающихся людей города.

– Колдер, выпей. Скотч тебе необходим.

Харт взял бокал и заметил, как дрожат руки. Он ненавидел себя за то, что выставил себя романтическим слабым идиотом. Он выпил содержимое бокала до последней капли, вернул его Рурку и собрался уходить.

Мог ли он предположить, что все так сложится? Не поэтому ли стоял у окна, ожидая прибытия Франчески? Зародилось ли тогда в глубине души подозрение, что свадьба не состоится?

Вне всякого сомнения, он не нужен и Франческе.

Харт вспомнил время, когда он был худым ребенком, всегда голодным, и был вынужден делить постель с Риком в однокомнатной квартире в трущобах, что была их домом. Он не любил думать о матери, Лили, пока она была жива. Сейчас он явственно увидел ее, стоящую у плиты и улыбающуюся – нет, не ему – Рикку, мать приговаривала при этом, какой он молодец. Не любил Харт вспоминать и о последних днях ее жизни, когда страх, что мать покидает их навсегда, заполнил его душу. Она все время просила позвать Рика и шепталась только с ним.

Сейчас он вырос и понял, что тогда мать просила Рика поклясться, что он никогда не бросит младшего брата, но это знание ничего не изменило ни в нем, ни в его жизни. Лили всегда обожала Рика; Колдер сомневался, что мать вообще хотела его рожать и, конечно, любила намного меньше старшего сына. Чем больше он хулиганил, стараясь привлечь внимание, тем больше отдалялся от матери, поглядывающей на него с сожалением. На Рика она никогда так не смотрела.

– Ты был нашей ошибкой! – сказал ему родной отец, Пол Рэндл.

В шестнадцать лет Харт был принят в Принстонский университет. Рат был приятелем ректора, но и результаты теста были отличными и позволяли допустить его к занятиям раньше. Однако вместо того, чтобы отправиться в Нью-Джерси и начать учебу, он уехал в Нью-Йорк. Возвращение в город молодого человека в добротном костюме с долларами в кармане было волнующим событием. Харту понравилось, что, стоило ему выйти на улицу и махнуть рукой, к нему моментально направлялся кеб. Ему нравилось посещать дорогие рестораны, где к нему обращались «сэр». Однако его поездка в город не была спонтанной увеселительной прогулкой; Харт приехал в Нью-Йорк для поисков своего биологического отца. Он не только нашел Пола Рэндла, но и с удивлением узнал, что у того есть двое детей.

Рэндл жил в доме на пересечении Пятнадцатой улицы и Лексингтон-авеню, где был убит в феврале прошлого года. С неожиданной нервозностью Харт шел к воротам особняка. Несмотря на то что он много раз репетировал и представлял себе эту встречу, у дверей он стоял потный от напряжения. Харт сидел в вагоне поезда, везшего его в Манхэттен, и представлял себе различные сценарии развития событий, но, будучи по натуре оптимистом, конец всегда предполагался счастливым.

Когда он назвал Рэндлу свое имя, тот смертельно побледнел. Вместо того чтобы пригласить Харта в дом, он вышел на улицу и закрыл за собой дверь.

– Зачем ты пришел? – закричал он. – Что тебе надо?

Бог мой, моя жена не должна ничего знать!

Харт понял, что отец не рад его видеть, но мгновенно овладел собой.

– По какой-то странной причине я счел необходимым встретиться.

– Нет никакой необходимости! Уходи и никогда здесь не появляйся. – Он захлопнул дверь перед самым носом Харта.

Пораженный до глубины души, тот стоял, не двигаясь с места, и старался прийти в себя, когда услышал доносившиеся из дома детские голоса, выпрашивающие у отца, кто же пришел.

– Просто мальчик, торгующий энциклопедиями, – последовал ответ.

Сейчас Харт разглядывал в окно Пятую авеню, сжав кулаки с такой силой, что пальцы побелели. Франческа его обманула. Он всегда был для нее запасным вариантом. Просто она слишком поздно поняла, что он все же ее не устраивает.

Он повернулся и, к собственному удивлению, услышал, что Рик задает вопросы Конни таким тоном, словно уже начал расследование криминального дела. Что ж, вряд ли это имеет смысл. С его точки зрения, драма уже окончена.

Заметив его желание удалиться, Рик решительно подошел к брату:

– С Франческой случилась беда.

Харт вскинул бровь:

– Правда? Почему же ты не подумал об этом утром, когда просил ее отказаться от венчания?

Рик округлил глаза:

– Ты меня обвиняешь?

Харт горько усмехнулся:

– Едва ли. Но мне все равно. Не притворяйся, что ты не рад внезапным изменениям в предпочтениях Франчески.

Брэг сердито посмотрел на него:

– Я не рад, Колдер. Я вижу, как тебе больно. И я волнуюсь за Франческу.

Харт наигранно всплеснул руками:

– Ну, разумеется. Твой белый конь уже готов?

– Разве ты не слышал, что сказала леди Монтроуз? Франческа обещала приехать. Ее куда-то срочно вызвали.

Срочно вызвали в день свадьбы. Харт грустно засмеялся. Прекрасно.

– Мне не больно, Рик. По правде говоря, я испытываю облегчение. Давно пора прийти в себя. О чем я только думал раньше? Я не создан для семейных отношений.

Все повернулись в его сторону. Джулия была готова упасть в обморок. Он оскорбил их всех, но они ни в чем не виноваты – она ни в чем не виновата.

Рик покачал головой:

– Отлично. Убеждай себя в чем хочешь. Тебе нужна моя помощь?

– Нет. – У него нет желания копаться в этом деле.

– Франческа никогда бы так не поступила намеренно! – воскликнула Джулия и покачнулась. Стоящий рядом Рат подхватил ее под локоть. – Мне надо сесть.

Подбежала Конни, взяла мать под руку.

– Пойдем, мама. – Она бросила на Харта уничтожающий взгляд. – Эван, отец где-то внизу с гостями. Полагаю, ему понадобится твоя помощь, чтобы успокоить всех и предотвратить скандал.

– Да, да. – Эван подошел к матери и помог Конни проводить ее вниз.

Харт с ужасом представил, что его ждет. Когда близкие Франчески ушли, он холодно улыбнулся Рiku. Брат не сводил с него потемневших глаз.

– Знаешь, Колдер, а я рад, что все так случилось. Мы оба знаем, что этот брак принес бы всем только несчастье, как понимаем и то, что Франческа заслуживает большего, чем ты можешь ей дать. Утром она очень нервничала.

Харта затрясло от злости, но он старался говорить спокойно.

– А ты что готов ей дать, Рик, сейчас, когда помирился со своей очаровательной супругой? Вечную дружбу? Любовь без взаимности? Или... порочащие ее честь любовные отношения?

– Я друг Франчески. И совсем не в том смысле, который ты вкладываешь в это понятие. Харт постарался подавить сковывающий его гнев.

– Как ты прав, – заявил он ледяным тоном. – Я понятия не имею, что такое дружба, и думать об этом не хочу. Наслаждайся своей дружбой, Рик. – Он кивнул, обошел брата и вышел из комнаты.

Рурк бросился за ним по лестнице.

– Что ты делаешь? – спросил Харт, повернувшись к молодому человеку.

– Иду с тобой, – спокойно ответил Рурк. – У тебя шок.

– Едва ли. Мне не нужна нянька или сиделка. – Он побежал вниз по лестнице, но Рурк не отставал.

– Значит, я буду рядом, как друг, – крикнул он в спину Харту. – Хочешь ты этого или нет.

Харт проигнорировал его слова, но через несколько секунд остановился, поняв, что стоит на нижней ступени в церкви перед толпой из трехсот весело переговаривающихся гостей.

Женщины были одеты в бальные платья, мужчины в смокинги. Гости одновременно о чем-то говорили, отчего ощущалось всеобщее возбуждение. Около открытых массивных дверей церкви он увидел отца Франчески. Эндрю Кэхил повернулся к Харту. На лице мужчины угадывалось высшей степени разочарование и растерянность. Встретившись глазами с Хартом, он вспыхнул от злости.

– Выйдем на улицу. – Рурк мягко подтолкнул Харта. – Если ты не хочешь выпить, то я с удовольствием.

Харту было все равно. Эндрю продолжал буравить его таким взглядом, словно тот был виноват во всем произошедшем.

Харт улыбнулся и заговорил громким, весьма благодушным тоном:

– Боюсь, вам не удастся повеселиться на свадьбе. Церемония закончена, можете обвинять во всем меня.

Когда он сделал шаг, толпа расступилась перед ним, как волны Красного моря. Харт старался не задерживать взгляд на лицах, он и так знал всех приглашенных. Он спал со многими собравшимися здесь дамами, ухаживал за некоторыми дочерьми влиятельных матрон, поддерживал деловые связи почти со всеми джентльменами. Взгляд выхватил из толпы графиню Бартоллу, сверкавшую глазами от радости, Ли Анну, взгляд которой показался пустым и удивленным одновременно; мельком остановился на Саре Чаннинг, озабоченной и погруженной в свои мысли – о нем? о Франческе? – и ее матери, смотрящей на него с ужасом.

К черту их всех.

Харт вышел из церкви на яркий солнечный свет, за спиной толпа закипала от возрастающего накала бурливших чувств.

Харт уже не обращал на это внимания.

Франческа не обращала внимания на полученные синяки и в третий раз решительно забиралась на тумбочку, возвышавшуюся на столе. Правда, сейчас на глазах от досады выступили слезы.

Дважды она пыталась дотянуться до окна и каждый раз падала на пол, отчего у нее болело все тело.

Но самое страшное, что с каждой неудачей она теряла силы и веру в успех. На этот раз у нее должно получиться.

Перед глазами всплыл образ Харта, и она, задыхаясь и обливаясь слезами, ухватилась за узкий выступ.

И в этот момент слышала детские крики.

Франческа замерла, испугавшись, что у нее начались галлюцинации, когда с улицы вновь донесся детский смех.

На лужайке гуляют дети!

– Помогите! – закричала она. – На помощь! Меня заперли в галерее... помогите!

Через мгновение в оконном проеме появилось веснушчатое лицо мальчика, их взгляды встретились, и он от удивления открыл рот.

– Ты можешь помочь мне выбраться? Я в «Галерее Мура»! Меня заперли снаружи! – во весь голос прокричала Франческа.

Мальчик захлопал глазами:

– Я папу позову.

Франческа вздохнула с облегчением. Наверняка мальчик играл не один. Она сглотнула и стала молиться, чтобы ей пришли на помощь. Через несколько минут – они показались ей вечностью – в окне возникло лицо мужчины. Ему было чуть больше тридцати, чисто выбрит, на висках проступала седина. Мужчина был поражен, увидев Франческу.

– А я не поверил Бобби! С вами все в порядке, мисс?

– Не совсем! – Франческа быстро объяснила, что с ней произошло.

Мужчина спокойно ее выслушал и велел идти к входной двери, обещав придумать, как помочь ей выбраться.

Франческа осторожно спустилась с тумбочки, затем со стола, казалось, у нее болит каждая косточка. Она надела туфли, подхватила сумку, предварительно проверив, на месте ли пистолет, и заметила, что у нее сломано несколько ногтей, пальцы исцарапаны и перемазаны кровью.

Перепуганная, она выбежала из кабинета и направилась к двери. По пути она вновь посмотрела на портрет и пожалела, что не нашла времени его уничтожить. Оставлять его в галерее было страшно. Как только она встретится с Хартом и расскажет о своих приключениях, непременно пошлет людей за картиной.

У входной двери она увидела пришедшего ей на помощь мужчину, рядом стоял полицейский, разглядывающий замок. Франческа обернулась и с облегчением заметила, что в помещении стало темнее и ее портрет не виден в сумраке галереи.

Через десять минут раздался спасительный щелчок замка.

Франческа бросилась на улицу.

– Благодарю вас! – закричала она.

– Все хорошо, мисс? – осведомился полицейский, оглядывая ее с ног до головы.

Должно быть, она похожа на неудачливого воришку. Франческа закивала.

– Извините, я очень спешу, – пробормотала она.

– Вы родственница мистера Мура? – поинтересовался полицейский.

Он принял ее за грабителя! Франческа оцепенела.

– Нет, я не родственница. Сэр, сегодня день моей свадьбы. – Она покраснела. – В данный момент я должна стоять у алтаря. Мне надо спешить!

Харт обязательно ее поймет. И обязательно дождется.

– Галерея закрыта. Видите табличку на двери? Я вынужден задержать вас, мисс, по подозрению во взломе и незаконном проникновении в помещение.

Франческа вскрикнула:

– Но меня пригласили!

Полицейский словно не слышал – или не хотел слышать. Он взял из ее рук пистолет.

– Оружие принадлежит вам?

Франческа кивнула, затем открыла сумочку и достала визитную карточку.

*Франческа Кэхил, специалист по раскрытию преступлений
№ 810, Пятая авеню, Нью-Йорк.*

Среди преступлений не бывает слишком сложных или пустяковых случаев.

Полицейский прочитал, и глаза его стали круглыми.

– Я Франческа Кэхил, сэр, – поспешила объяснить она. – Вы наверняка обо мне слышали. Я работаю с комиссаром полиции – так случилось, что он мой давний друг.

Полицейский смотрел не моргая.

– Да, я слышал о вас, мэм, – проговорил он уже более уважительно.

– Отлично. Сейчас Рик Брэг находится в пресвитерианской церкви на Пятой авеню и ждет моего приезда, как и три сотни приглашенных гостей. – Ей удалось сдержать слезы. – Вместе с моим женихом, мистером Колдером Хартом. Вы слышали это имя?

– Не его ли задерживали за убийство любовницы? – подал голос джентльмен.

Франческа вспыхнула.

– Харт невиновен, – отрезала она. – Убийца во всем признался и осужден. Мне срочно нужен кеб!

– Я найду для вас кеб, – отозвался полицейский. – Простите, мисс Кэхил, что задержал вас, но вы должны понять, все выглядело крайне подозрительно, вы оказались одна в запертой галерее.

– Верните мой пистолет, пожалуйста.

Получив пистолет, Франческа бросилась бежать. На тротуаре она остановилась и огляделась. Ей никогда не доводилось испытывать столь сильное чувство отчаяния – вокруг не видно ни одного экипажа. Рядом внезапно появился полицейский, он поднес пальцы ко рту и громко свистнул. Через минуту из-за угла со стороны Бродвея уже поворачивал черный кеб. Лошадь бежала рысью, и вскоре Франческа уже сидела в коляске.

Через сорок минут показались высокие шпили церкви. Франческа наклонилась вперед, нетерпеливо вглядываясь в даль.

Улица была пуста. У церкви не стояло ни одного экипажа.

Не стоило входить внутрь, чтобы понять, что ее никто не ждет.

Глава 4

Суббота, 28 июня 1902 года. 18:00

Эван Кэхил прикрыл дверь в комнату сестры и подошел к стоящему в коридоре Рикку Брэгу. Они только что дюйм за дюймом обыскали спальню Франчески, но так и не нашли полученной ею утром записки.

Эван обожал младшую сестру и знал ее лучше, чем кто-либо другой. Пусть желание помогать всем нуждающимся, даже ценой собственного счастья, останется на совести Фрэн. Он восхищался щедростью ее души, порядочностью и упорством, однако новое увлечение расследованиями порой вовлекает ее в опасные авантюры. За последние несколько месяцев ее поджигали, избивали, запирали и едва не ранили. Говорят, кошки живучи. Относится ли эта поговорка к его безрассудной сестре? Сердце наполнилось страхом.

– Мне надо воспользоваться телефоном, – подал голос Брэг.

Эван кивнул и вспомнил, что не выключил в комнате электрическое освещение. Он вернулся и погасил свет.

– Телефон внизу, в библиотеке, – сказал он, выходя из комнаты Франчески. – Я страшно переживаю, Рик. Ты начнешь официальное расследование?

Брэг похлопал его по плечу:

– Пока рано волноваться. Твоя сестра не только умна, но и находчива. С ней все будет хорошо.

Эван сомневался, что Брэг сам верит собственным словам. В его глазах отчетливо читалось беспокойство. Рик Брэг, несомненно, испытывает романтический интерес к его сестре. Как бы ему ни нравился Рик, он этого не одобрял – ведь Брэг женат. Мысли переключились на несчастного жениха.

– Харт был в бешенстве.

– Да, пожалуй, – сдержанно поддержал Рик.

Эван был уверен, что и сам был бы вне себя, оставь его невеста одного у алтаря. Слишком сильное унижение. Представить невозможно, какие чувства испытывает мужчина, когда невеста не приходит на свадьбу, особенно если эта невеста любима. Сейчас Харт должен переживать за Франческу, как и все остальные. Впрочем, он еще не появлялся и не пытался узнать, удалось ли что-то выяснить, и даже не звонил.

Распахнув перед Риком двери библиотеки, Эван услышал громкие восклицания матери. Джулия была сильным человеком и никогда не теряла присутствие духа. Сейчас же она была в панике.

С болью в сердце Эван смотрел, как Брэг поднимает тяжелую черную трубку. Его собственное состояние было близким к панике. Фрэн любит Колдера Харта, только нечто очень серьезное могло заставить ее пропустить церемонию.

– Беатрис, говорит комиссар полиции, – представился Брэг телефонистке. – Соедините меня с управлением.

Эван нервно сунул руки в карманы брюк. Смокинг он скинул, приехав домой, в особняк Кэхиллов, около часа назад. Эван был красивым высоким шатеном двадцати шести лет. К сожалению, он был кутилой и игроком, вследствие чего нажил чудовищные долги. Совсем недавно у него произошла серьезная ссора с отцом. Эндрю Кэхил отказался оплатить карточные долги сына, если тот не женится на молодой леди из уважаемой семьи. Конфликт закончился тем, что Эван ушел из дома. Впрочем, недавно он все же помирился с отцом, вернулся к семейным делам и в собственный дом, расположенный рядом с особняком Кэхиллов на Пятой авеню.

Казалось, он должен быть счастлив вернуться в семью, вновь иметь возможность жить, как принц, и получать постоянные и немалые доходы. Но Эвану претили указы и распоряже-

ния, как поступить, словно у него не было собственной головы на плечах, будто он наемный тупой исполнитель.

Эван услышал, как Брэг спрашивает у дежурного офицера, на месте ли шеф Фарр, и вздохнул. Все же дурно в такой ситуации вспоминать о личных проблемах – а проблемы у Эвана были самые серьезные. Любовница заявила, что ждет ребенка. Сейчас лучше не думать о Бартолле Бенвенте. Он даже решил не подходить к ней в церкви.

Эван прислушался к разговору и понял, что Брэг уточняет с инспектором какие-то детали.

– Мы можем квалифицировать это дело как розыски пропавшего без вести. – Он положил трубку на рычаг.

– И что теперь? – грустно спросил Эван.

– У нас нет никаких зацепок. Я велел Ньюману и его людям делать то, что полагается в таких случаях, – найти улики, даже самые маленькие. Тебе же я предлагаю побыть с матерью. Мне необходимо заехать домой, но я скоро вернусь и опрошу прислугу.

Мужчины спустились вниз. Оказавшись в холле, они увидели Мэгги Кеннеди и ее сына Джоэла.

Эван опешил. Они с Мэгги были друзьями, но, взглянув в прекрасные синие глаза, Эван сразу понял, что причиной их визита стало не только исчезновение Франчески, но его собственная персона.

Эван с удивлением понял, что улыбается. Мэгги улыбнулась в ответ.

– С тобой все в порядке? – тихо спросила она.

Сердце его едва не остановилось. Совсем недавно Эван был вынужден признаться себе, что миссис Кеннеди ему очень, очень нравится. Они познакомились благодаря Франческе – Мэгги была швеей и сделала несколько нарядов для сестры. А потом она едва не стала жертвой убийцы.

Именно Эван вступил в борьбу с Калхейном и спас ее от обезумевшего преступника. Но и до этого Эван оказывал Мэгги знаки внимания. Она представлялась ему ангелом. Овдовев, она много работала, чтобы прокормить четверых детей. Он никогда не встречал столь мягкой и доброй женщины, но в то же время стойкой и решительной.

Эван навещал детей Мэгги, приносил им сладости и подарки, однажды даже пригласил всех на ужин в ресторан. Во время их последней встречи он спросил Мэгги разрешения ее поцеловать, и она ответила «да».

Как бы ему хотелось забыть о том поцелуе, но он не мог справиться со своими чувствами. Эван мельком видел Кеннеди в церкви, но не нашел времени даже поздороваться. Если бы церемония прошла, как планировалось, он обязательно пригласил бы ее на танец, но вместо этого не отходил от отца и объяснял гостям, что Франческа внезапно заболела, по этой причине свадьба откладывается. Стоит ли говорить, что им никто не поверил.

– Здравствуй.

– Есть новости? – взволнованно спросила Мэгги. Она была на несколько лет его старше, обладала очень светлой кожей, усыпанной веснушками, фиалкового цвета глазами и прекрасными рыжими волосами. Эван знал, что сейчас на ней лучшее воскресное платье.

– Боюсь, что нет. – Эван отвел взгляд.

Мэгги коснулась его плеча:

– Твоя сестра очень сильная.

Эван внимательно посмотрел ей в глаза и накрыл ладонью ее пальцы.

– Я переживаю за нее.

– Я знаю. – Мэгги повернулась и посмотрела куда-то вдаль.

Эван проследил за ее взглядом. Брэг спрашивал Джоэла, есть ли у него соображения о том, что могло произойти с Франческой.

Джоэлу было одиннадцать, и он все отлично понимал. Его не раз задерживали за украденные сумочки и бумажники, но эти невеселые дни остались в прошлом, поскольку Франческа платила мальчику хорошее жалованье за помощь в расследованиях.

– Мисс Кэхил ничего не говорила ни о каких записках. – Джоэл уверенно замотал головой. – Она любит мистера Харта, и только самое худшее могло заставить ее не прийти.

Брэг потрепал мальчика по голове, но воздержался от улыбки.

Эван заинтересовался, связано ли странное выражение лица комиссара с тем, что сказал Джоэл о чувствах Франчески, или с ее исчезновением.

Незаметно для себя Эван приблизился к Мэгги настолько, что его согривало тепло ее тела.

– Проходи, – спохватился он и сделал шаг в сторону.

– Я не хочу вам мешать, просто беспокоюсь за Франческу – и за тебя.

Кажется, слова ее были не такими волнующими, чтобы его охватила дрожь.

– Ты не мешаешь. Мама тебя обожает – я тоже. – Он не сразу понял, что сказал, и покраснел.

Щеки Мэгги порозовели, и она прошла за Эваном в салон.

Джулия сидела на диване в обществе Эндрю и Конни. На столике перед ними стояли бокалы с разными алкогольными напитками. Джулия плакала. Эван никогда не видел мать плачущей, хотя, возможно, она просто не показывалась никому на глаза в таком состоянии. В комнате было тепло, но Джулия куталась в наброшенную на плечи кашемировую шаль. Завидев сына, она резко встала:

– Ты что-то узнал? Есть новости? Она вернулась?

Брэг нахмурился:

– Простите, Джулия, но вынужден ответить «нет» на все ваши вопросы.

Джулия громко зарыдала. Эндрю обнял жену за плечи и прижал к себе.

– О боже! Франческа такая безрассудная, но она никогда не поступала так безответственно, Рик! Что же с ней случилось? Где моя дочь?

– Дорогая! – вмешался Эндрю. – С Франческой все хорошо. Она скоро вернется и представит какое-нибудь несуразное объяснение своей выходке. – Он был так же бледен, как и Джулия.

– С Франческой ничего не случилось, мама, – добавила Конни. – Ты же знаешь Фрэн. Ее невозможно удержать.

Джулия глухо застонала.

– А что будет, когда она вернется? Три недели назад ее жених был арестован за убийство! Мы чудом не оказались замешанными в скандале – и теперь это! Не один месяц все будут сплетничать о том, что Франческа бросила Харта прямо у алтаря.

– Давай в другой раз поговорим о скандале, – мягко произнес Эндрю.

Эван закивал, соглашаясь с отцом. Брэг сделал шаг вперед:

– Скоро приедут полицейские. Мне надо уйти, но через пару часов я вернусь.

– Через пару часов? – удивленно воскликнула Джулия. – Тебе обязательно надо уйти?

– Боюсь, что да.

Эндрю встал и пожал ему руку.

– Можно тебя на минутку, Рик?

Эндрю был таким же активным сторонником реформ, как и сам Рик. Они познакомились несколько лет назад, когда Брэг работал в администрации Гровера Кливленда. За эти годы они стали друзьями.

Мужчины вышли в коридор.

В гостиной повисла гнетущая тишина. Джулия словно замерла. Конни встала и подошла к мужу. Лорд Монтроуз нервничал не меньше остальных. Эван бросил испуганный взгляд на Мэгги, затем подошел ближе и произнес, понизив голос:

– Я найду для тебя кеб.

Он не хотел, чтобы она уезжала, но подумал о том, что трое ее детей остались с соседкой и ей лучше скорее вернуться к ним.

Когда они вышли из салона, Мэгги подняла на него глаза:

– Мне очень неприятно оставлять тебя в такой сложной ситуации. Ты ведь всегда мне помогал.

По телу пробежала дрожь, но он смог сохранить невозмутимый вид.

– Все в порядке. Джоэл? – позвал он. – Неужели он ушел?

– Джоэл сказал, что будет помогать полиции. Мне никогда не удавалось удержать его, если он что-то задумал. Он очень хочет найти Франческу.

Джоэл порой проявлял большее мужество, чем взрослые мужчины, и был наделен проныцательностью. Эван подумал, что мальчик мог попытаться отыскать его сестру самостоятельно, но в данный момент ему было все равно, кто займется поисками, лишь бы Фрэн наконец нашлась.

В этот момент раздался звонок в дверь. Эван с трудом представлял, кто мог нанести им визит в такой момент. Они с Мэгги повернулись к двери, которую дворецкий уже распахивал перед Бартолой Бенвенте.

Эван вздрогнул.

Мэгги покраснела.

Бывшая любовница Эвана вплыла в холл, держа в руках перевязанную лентами коробку. Она была по-прежнему в слишком смелом рубиново-красном платье, надетом для несостоявшегося приема. Увидев женщину с огненными волосами, Бартолла застыла на месте. Когда-то ее лицо и фигура сводили Эвана с ума, сейчас же он счел ее внешний вид отвратительным.

Бартолла медленно растянула губы в улыбке.

– Здравствуй, Эван. – Проигнорировав Мэгги, она королевской поступью приблизилась к Эвану. В действительности Бартолла не была особой королевской крови, титул достался ей от престарелого итальянского графа, за которого она в шестнадцать лет вышла замуж. – Нашлась твоя сестра?

– Нет, не нашлась. Что ты здесь делаешь? Нам всем сейчас очень тяжело, Бартолла.

– Не сомневаюсь! Кстати, никогда не думала, что Франческа способна обмануть Харта. Я была уверена, что это он разобьет ей сердце – рано или поздно, но разобьет. – Она рассмеялась, явно довольная событиями этого дня. – Не уверена, что Харт будет счастлив видеть твою сестру, когда она вернется.

– Ты ошибаешься. Он влюблен. У Франчески наверняка что-то случилось, иначе она никогда бы не пропустила венчание. Когда она найдет его, они объявят новую дату торжества. – Он заметил, что стал относиться к Бартолле с презрением. Как он будет общаться с ней, когда появится ребенок? Бартолла опять рассмеялась:

– Я отлично знаю Харта, дорогой, он из тех, кто способен навсегда затаить обиду. Свадьбы не будет никогда.

«Она ни разу не взглянула на Мэгги, – подумал Эван. – Словно ее здесь нет».

– У меня нет времени с тобой спорить. Я должен найти кеб для миссис Кеннеди.

– Тебе лучше посадить ее на поезд, – усмехнулась Бартолла. – Такие расходы не по карману простой швее.

Эвана затрясло от злости. Мэгги коснулась его руки, и он повернулся к ней, внимая молчаливому посланию во взгляде. Она не хотела, чтобы он расстраивался из-за графини. Эван сдержался.

– Бартолла, ты выбрала не лучшее время для визита. Моя семья в горе. Мама сегодня никого не принимает.

– Ты говоришь чепуху, Эван. Я принесла пирожные, Джулии необходимо кому-то поплакаться. Она мне очень нравится, я бы хотела ее утешить.

Эван отлично знал, что Бартолла хочет лишь позлорадствовать.

Мэгги сжала его руку, ей явно не терпелось уйти.

В следующую секунду широкими быстрыми шагами в холл вошел Брэг. Они с Эваном вышли на улицу, а Бартолла проскользнула в коридор с намерением найти в одной из гостиных Джулию.

– Что ты обо всем этом думаешь? – нетерпеливо спросил Брэга Эван.

– Думаю, что у Франческа серьезные неприятности, но я найду ее. Можешь на меня положиться.

Ей было страшно выходить из кеба. Особняк Харта был огромен – здание в неоготическом стиле, в основном из угольно-черного камня, было построено совсем недавно и располагалось нескольких кварталах от дома Кэхиллов. У Харта еще не было соседей, принадлежащая ему земля занимала значительную часть территории района. Дом окружали лужайки и сады, здесь была и конюшня, и постройки для прислуги, теннисный корт и даже большой пруд. Имение было обнесено высокой кованой оградой на каменном основании.

Франческа не двинулась с места. Ворота оказались закрыты, несмотря на то что было лишь шесть часов вечера.

Она дрожала от страха и с трудом сдерживала слезы. Все время получасовой поездки по городу она пыталась представить, что происходило в церкви, когда музыканты начали играть свадебный марш. Должно быть, с мамой случилась истерика, отец почернел от злости. Реакцию гостей Франческа не могла даже вообразить.

Затем она задумалась, каково было поведение Харта.

Извозчик распахнул ворота, чтобы кеб мог въехать на территорию имения, и забрался на козлы. Франческа сжалась от ужаса, она больше не могла убеждать себя, что Харт волновался за нее, она слишком хорошо его знает.

Ее жених обладает взрывным темпераментом и судит о происходящем с точки зрения пресыщенного и крайне циничного человека. Коляска покатила по усыпанной гравием дороге к дому, Франческа была не в силах бороться с душевными страданиями. Она принадлежала к тем людям, которые считают, что стакан наполовину полон; она никогда не забывала о праве на презумпцию невиновности. Харт о таких вещах даже не задумывался, он никому и ничему не верит.

Но ведь ей он доверяет, верно?

Впрочем, это не имеет значения. Франческа боялась, что застанет Харта в ярости.

Однако все оказалось даже хуже. Франческа неожиданно остро почувствовала скрывающуюся за маской презрения и высокомерия, богатства и власти болезненную ранимость души. Она очень надеялась, что не нанесла Харту болезненный удар, и тут же почти истерично рассмеялась своим мыслям. Сколько раз ее предупреждали, что Колдер Харт однажды разобьет ей сердце?

Восторг от того, что удалось выбраться из галереи, испарился без следа. Необходимо объяснить Харту, что произошло, успокоить и убедить, если удастся, что необходимо срочно ехать в галерею и забрать ее портрет. И последнее не терпит отлагательств! Полицейскому Франческа ни слова не сказала о портрете, чтобы он не захотел войти внутрь и посмотреть на картину. Она обратила внимание, что он запер дверь перед уходом и проверил замок, но тогда это ее совсем не интересовало. Сейчас же Франческа опять пожалела, что не нашла времени уничтожить портрет.

Она расплатилась и оглядела ступени. Над входом в особняк не горел свет. Время от времени настроение Харта портилось настолько, что он отпускал всю прислугу, чтобы поразмышлять, побродить в одиночестве в своем особняке-мавзолее, потягивая скотч и любуясь предметами искусства. Франческа была почти уверена, что сейчас он именно в таком настроении, хотя в глубине души надеялась, что гости все же остались. Неизвестно, живут ли в особняке Харта Рат и Грейс, поскольку они построили собственный дом на другом конце города. Оставались Николас Даршан и два сына Рата Брэга.

Франческа медленно поднялась по ступеням, прошла мимо двух огромных львов по обеим сторонам лестницы. И оказалась у дверей, под крышей, над которой красовался бронзовый олень. Не успела она коснуться рукой массивного бронзового кольца, чтобы постучать, как дверь отворилась. Она так надеялась увидеть Харта, что даже немного удивилась, когда перед ней возник Альфред.

Франческа поспешно переступила порог.

– Как он?

Глаза Альфреда медленно округлялись.

– Мисс Кэхил! С вами все в порядке?

Она знала, что одежда ее в беспорядке, она сама растрепана, а руки в царапинах.

– Не в порядке, но врач мне не нужен – мне нужно поговорить с Хартом.

– Мистер Харт в библиотеке, занят срочными делами.

Франческа опешила:

– Только не говорите мне, что он спокойно воспринял мое отсутствие на церемонии в церкви.

– Не могу сказать, в каком он сейчас состоянии, мисс Кэхил, но мистер Харт выглядел невозмутимым.

Франческа отпрянула, потрясенная услышанным.

– Он пьет? – спросила она, понизив голос.

В моменты психологического напряжения Харт частенько искал успокоение в алкоголе. В состоянии опьянения он пугал Франческу, но не тем, что проявлял склонность к насилию, она знала, что он никогда не поднимет на нее руку. Сильно выпив, Харт погружался в забытие, его одолевали самые черные мысли, и возникала склонность к самоуничтожению.

– Нет, мэм.

Франческа молилась, чтобы это было хорошим знаком, – она не причинила ему боль, – он выслушает и примет ее объяснения о том, по какой причине не состоялась свадьба.

– Спасибо, Альфред. Я сама найду дорогу в библиотеку.

Дворецкий замялся:

– Мисс Кэхил, вы так выглядите... Не желаете освежиться?

Она помотала головой и поспешила в сторону библиотеки, надеясь не встретить кого-то из членов семьи. В доме было неестественно тихо. «Похоже на атмосферу траура», – подумала Франческа и тут же отогнала от себя неприятные мысли. Сейчас она мечтала только оказаться в объятиях Харта.

Тяжелые двери красного дерева были закрыты. Франческа помедлила, стараясь хоть немного унять биение сердца, и решительно толкнула дверь.

Харт сидел за рабочим столом, склонившись над бумагами. Он поднял голову и впился глазами в ее лицо.

– Привет. – Франческа заставила себя улыбнуться.

Между ними было расстояние равное размерам теннисного корта. Она прикрыла створку и поспешила в глубь комнаты.

– Харт, прости меня! У меня был самый ужасный день в жизни!

Харт поднялся и стоял теперь перед ней во весь рост, который был на пару дюймов больше шести футов. В каждом движении чувствовалось, что он старается контролировать и сдерживать себя, но это не помешало ему, словно башне, грозно возвыситься над столом. Разумеется, он видит, какая она грязная и растрепанная. Он переживает за нее!

– Меня заперли! – воскликнула Франческа. – Я нашла свой портрет, Харт!

Он не окинул ее привычным беглым взглядом, он смотрел не моргая, словно и не слышал слов.

– Как я понимаю, ты изменила свое решение, Франческа. Вероятно, ты прозрела.

Франческа насторожилась.

– Ты меня слышишь? Меня заперли в галерее, поэтому я не пришла на свадьбу. Прости меня! – выкрикнула она в сердцах. – Я не изменила решения!

Харт стоял прямо и был похож на статую. Она даже не была уверена, что он дышит.

– Я знаю, что ты не пришла на свадьбу. – Он говорил таким тоном, будто обсуждал прошедший летний дождь, и продолжал так же монотонно, как и начал: – Ты ранена?

Неужели ему безразлично, что ее заперли?

– Нет! Вернее, не в том смысле!

– Это хорошо.

Он опустил глаза и взял со стола один из документов.

Франческа окаменела. Что он делает? Видя ее руки, лицо, порванную одежду, он не спросит, что с ней случилось? Не хочет узнать, где находится этот проклятый портрет, чтобы скорее найти его и уничтожить?

Харт смотрел на нее так, словно они не были знакомы.

– Ты хотела еще что-то сказать? Как видишь, у меня много работы.

– Колдер, ты меня слушаешь? Я нашла тот злополучный портрет, поэтому опоздала. – Франческа едва сдерживала рыдания. – Сейчас мы бы могли быть на празднике в честь нашего венчания! Мы должны обсудить все, что произошло!

Не сводя с нее взгляд, Харт перебирал листы бумаги. По его лицу было невозможно угадать, что он чувствует и о чем думает. Это лицо было похоже на каменную маску.

– Меня не интересует, что произошло. Нам нечего обсуждать.

Франческа похолодела:

– Что ты сказал?

Харт опустил голову и принялся перекладывать бумаги. Франческа бросилась к нему. Что с ним случилось? Почему он не злится? Почему не кричит на нее?

– Я знаю, ты так не думаешь. Тебе не все равно, что случилось со мной сегодня.

Харт не повернулся и не взглянул на нее, и Франческа сорвалась на крик:

– Мы должны назначить новую дату свадьбы.

Харт закончил складывать листы и посмотрел ей в глаза:

– Свадьбы не будет.

Франческа вскрикнула и прижала руки к груди.

– Ты не можешь так думать!

– Но я так думаю. – Наконец в его голосе послышалось раздражение.

Франческа не сразу смогла заговорить.

– Тебе больно, ты разозлен, хоть и не показываешь своего настроения. Мне не стоило сейчас заводить разговор о свадьбе.

Он странно посмотрел на нее, но ничего не сказал.

– Невозможно разлюбить человека всего за один час или день, Колдер. – Франческа старалась оправдать его слова. – Только утром я была тебе небезразлична – небезразлична и сейчас. Наконец он ей ответил:

– Ты считаешь, что наши отношения основаны на любви. Позволь дать тебе совет – не стоит начинать со мной дискуссию на эту тему.

Предостережение в его голосе было более чем очевидно.

– Я никогда не смогла бы тебя предать!

Взгляд его застыл, добравшись до ее глаз.

– Все к лучшему.

– Что? – закричала Франческа. – Я люблю тебя. Я не виновата, что не смогла прийти на свадьбу!

– Всего хорошего, Франческа, – резко произнес Харт и открыл папку.

Она не могла поверить в происходящее.

– Это все, что ты можешь сказать? Сделать вид, что тебе безразлично, отказаться что-либо обсуждать, оттолкнуть меня, словно я не твоя невеста?

Она чувствовала, как он внутренне сжался, но так и не поднял на нее глаз.

Франческа подхлестнула себя – она будет бороться.

– Ты даже не хочешь смотреть на меня? Я порезала руки и лицо, когда пыталась разбить окно! У меня сломаны все ногти, ладони в ссадинах, потому что я цеплялась за стену, когда пыталась добраться до окна! – Франческа была вознаграждена – Харт поднял на нее глаза. Они были темные, словно грозовая туча. – Утром я получила странную записку, Колдер, приглашение на закрытый просмотр работ Сары! Прочитав ее, я сразу поняла, что мне предлагают увидеть свой собственный портрет. Разумеется, я тут же поехала!

Харт даже не моргнул.

– Разумеется.

Франческа с воодушевлением продолжала:

– Когда я подошла к галерее, дверь была открыта, а картина висела на стене. Я ничего не успела сделать, как меня заперли снаружи. Я несколько часов пыталась выбраться, пока в четыре часа, к моему огромному счастью, меня наконец услышал маленький мальчик. – Она только сейчас поняла, что дрожит как в лихорадке. Харт сцепил руки и опустил глаза.

– Ты сказала, что тебя не ранили.

– Нет, не ранили.

Харт не пошевелился, и Франческа опять сорвалась на крик:

– Это же очевидно, что кто-то не хотел, чтобы мы поженились! Меня заманили в ловушку. Разве ты не понимаешь? Или не веришь мне? – Она теряла последнюю надежду быть услышанной. Почему Харт так себя ведет?

Он опять поднял глаза:

– О, я тебе верю. Но какое это имеет значение? Все кончено, Франческа. – Харт принялся разглядывать бумаги.

Она понимала, что все ее старания разбились о холодность и равнодушие. Все это было притворством, не так ли? Хорошо продуманная игра? Харт навсегда останется человеком неподвластным ее пониманию.

– О боже. Я думала, ты будешь злиться, но ты не зол, верно? Когда ты злишься, ты взрываешься – и напиваешься. Я сделала тебе больно.

Харт опустил в кресло и посмотрел на Франческу:

– Если ты полагала, что я устрою тебе сцену, тебя ждет разочарование. Надеюсь, ты не ожидала увидеть на моем лице слезы?

Франческу насторожил этот насмешливый тон. Она ранила его в самое сердце? Другого объяснения такому поведению нет.

– Ты решил притвориться равнодушным, возможно даже перед самим собой.

– Я пришел к выводу, что наши отношения были ошибкой. Все кончено.

У нее закружилась голова. Этого она никак не ожидала.

– Я напомним твои же слова: «Наши отношения никогда не закончатся»!

– У меня нет привычки цепляться за женщин.

Она не удержалась и вскрикнула.

Харт встал:

– Думаю, ты сама найдешь дорогу.

Франческа не пошевелилась. Как бы она ни была шокирована, все же услышала внутренний голос, тихо советующий оставить все и вернуться к разговору позже. На таких мужчин, как Харт, не стоит давить.

– Колдер, я люблю тебя, – растерянно сказала Франческа.

– Представляешь, сколько раз я слышал эти слова от женщин?

Франческа поежилась. По холодному взгляду Харта она поняла, что в таком состоянии он способен на любую грубость.

– Не поступай так со мной.

– Как? Ведь именно ты не явилась сегодня в церковь.

– Ты признавался мне в любви!

Он рассмеялся пугающим, злым смехом.

– Ты уникальный человек, Франческа. Это было временное заблуждение, ведь нам обоим известно, что я не верю в любовь. Это было вожделение, Франческа, ничего более. Видишь, я пришел в себя, как и ты. О чем я только думал, принимая решение на всю жизнь связать себя обязательствами перед женщиной? Когда страсть проходит, остается только несколько росчерков пера на документе о заключении брака.

Франческа сжалась от этих слов, как от удара.

– Я уверена, ты так не думаешь.

– Мне безразлично, в чем ты уверена, – я не собираюсь тратить время, чтобы убедить тебя, что готов подписаться под каждым сказанным сегодня словом.

Он не может говорить серьезно.

– Как ты можешь быть таким жестоким со мной? Как можешь гнать меня после всего, что мы пережили вместе?

– А что мы пережили, кроме разговоров, ощущения надвигающейся беды и... нескольких ночей в моей постели?

Из ее глаз полились слезы.

– Мне противны плачущие женщины, – предупредил Харт.

Франческа покачала головой:

– Стараешься сделать вид, что я для тебя просто легкое увлечение – одна из тех, с кем ты уже наигрался и готов бросить!

Взгляд его стал многозначительным, в молчании слышалось согласие. Франческа была потрясена до глубины сознания.

– Этого не может быть. Мы созданы друг для друга, Харт.

Он вышел из-за стола, но не встал рядом, а прошел мимо и заходил по комнате.

– Никто ни для кого не создан. И еще, дорогая, мне бы не хотелось стать тем мужчиной, кто разобьет тебе сердце. Мое мнение не изменится. Все твои попытки останутся без ответа. Кстати, думаю, Рик будет счастлив взять на себя обязательства перед тобой.

– Ты убиваешь меня такими словами!

– Правда? Не бойся. Боль пройдет. Она всегда проходит. – Харт открыл дверь и принял выжидательную позу.

Франческа не была уверена, что сможет сделать шаг, казалось, все тело ее изрублено на мелкие куски.

– Я обидела тебя. Прости! Я люблю тебя и буду любить всегда – даже таким, как сейчас, когда ты делаешь все, чтобы разрушить нашу любовь.

– Разве я выгляжу обиженным? Нет. Мне даже стало легче.

Франческа покачнулась и едва устояла на ногах.

– Боже, как в дешевой пьесе. Тебе нравится? По-моему, эта драма не только кажется отвратительной, она стала утомлять. Мне надо заняться делами.

Она должна любой ценой сохранить самообладание. Взгляд Харта был холодным, словно Ледовитый океан.

– Харт, я не сниму это кольцо и не откажусь от нашей любви.

– Тогда мне остается только пожалеть тебя. Но кольцо ты можешь оставить. Выкупишь за него портрет, дорогая.

Она больше не могла терпеть его жестокость. Она выбежала из комнаты и помчалась по коридору, заливаясь слезами от бессилия и тоски, чувствуя, как вокруг все рушится, рушится ее мир.

И тут за спиной раздался голос:

– Франческа! И не трать время на визиты сюда. Если я что-то решил, это окончательно. Тебя больше не ждут в моем доме.

Глава 5

Суббота, 28 июня 1902 года. 19:00

Франческа была убита горем. Неужели все кончено? Неужели Харт действительно уверен в том, что говорит? Впрочем, разве Брэг не предупреждал, что ждет ее в будущем, если она не остановится и осмелится полюбить Харта?

О боже, сердце, казалось, разрывается на куски!

Когда несколько недель назад Харт расторг их помолвку, все выглядело совсем иначе. Он поступил так из желания защитить ее, уберечь от скандала, связанного с убийством Дейзи. Ее доброе имя было для Харта важнее любви к ней. После этого их чувства друг к другу стали даже сильнее. Она никогда не сомневалась в его любви и преданности.

Сейчас же Харт относился к ней с полным безразличием, словно вырвал из своего сердца – вычеркнул из жизни – так легко и так быстро.

– Мисс Кэхил? Позвольте помочь вам присесть.

Она поняла, что стоит посредине холла и плачет. Альфред был рядом и не сводил с нее испуганных глаз. Она изо всех сил постаралась собраться с мыслями – задача не из легких.

Если Харт ее не любит – их отношения были основаны лишь на увлечении и страсти, – значит, все кончено, и она ничего не сможет изменить. Но если Харт просто очень оскорблен, настолько, что притворяется равнодушным, чтобы скрыть свои чувства, если она по-прежнему остается его лучшим другом, то надежда есть. Однажды ей удалось вызвать в нем страсть и любовь, удастся и во второй раз.

Но настоящее положение она изменить не в силах.

А проклятый портрет все еще висит в галерее Мура.

Франческа вытерла слезы, ей показалось, что стало немного легче. У нее есть дело, которое следует закончить; сейчас ей просто необходимо сосредоточиться на чем-то другом.

– Боюсь, я не могу задержаться, Альфред. У меня новое дело.

Дворецкий смотрел на нее с удивлением.

– Мы серьезно поссорились с мистером Хартом, но это лишь временная размолвка. Завтра будет новый день. – Она улыбнулась уголками губ. – Надеюсь, тогда он будет ко мне более благосклонен.

– Мне очень жаль, мисс Кэхил.

Франческа пожала плечами.

– Я всегда знала о его непростом характере, – сказала она и продолжила уже с большей уверенностью: – Можно попросить лакея найти мне кеб?

Домой она сейчас не сможет ехать, она еще не готова увидеться с Джулией. Разумеется, мать будет счастлива ее возвращению, но лишь на короткое время. Затем она впадет в бешенство оттого, что Франческа посмела пропустить собственную свадьбу, и уже не вспомнит о грозившей дочери опасности. Родителям нельзя рассказывать о том, что произошло в действительности, тогда они узнают о существовании портрета.

Более того, Джулия обязательно докопается до самой сути вопроса. Она умна и проницательна, кроме того, обожает Харта. Мать потребует объяснить, виделась ли дочь с женихом и пыталась ли вымолить у него прощение. Джулия Кэхил потратила много сил, чтобы этот брак был заключен, поэтому у Франчески не было ни малейшего желания рассказывать матери о недавнем разговоре с Хартом.

Ее близким достаточно знать, что она жива и здорова. Франческа попросила Альфреда отправить сообщение к ней домой, что с ней все хорошо и она приедет, как только сможет. Дворецкий заверил, что будет счастлив помочь. Франческа поблагодарила слугу и вышла на улицу, где уже наступил теплый летний вечер. Над головой сияла удивительно яркая луна в

обрамлении россыпи сверкающих звезд. Было так тихо, что не слышалось дуновение даже легкого ветерка. Великолепная ночь для свадьбы. С болью в сердце Франческа вспомнила о встрече с Хартом и закрыла глаза, стараясь прогнать тяжелые воспоминания. Она знала, каким жестоким может быть Харт, но никогда не думала, что он способен зайти так далеко.

– Мисс Кэхил? Вы в порядке? – раздался рядом мальчишеский голос.

В голове мелькнула догадка, и Франческа распахнула глаза. Джоэл Кеннеди коснулся ее руки. Ей очень нравился Джоэл; он стал ей младшим братом. Поддавшись внезапным чувствам, она крепко обняла его и прижала к себе.

– Харт невероятно зол на меня, – прошептала она, прежде чем отпустить Джоэла.

– Вы его очень подвели. Конечно, он с ума сходит, но он вас любит и простит. – Темные глаза казались огромными на маленьком, бледном лице.

«Устами младенца», – подумала Франческа. Хочется надеяться, что он прав.

– Вы вся поцарапались. Что случилось?

– Джоэл, у нас новое дело. Ты можешь помочь мне сегодня вечером?

Мальчик кивнул, выражение глаз сразу изменилось, в них появилось не ожидаемое любопытство, а скорее немой вопрос.

– Нам нужны копы? Вы разминулись с комиссаром. Он был здесь час назад, вас искал.

Франческа ласково улыбнулась:

– Разумеется, мне нужен Брэг. Нужен так, как никогда раньше.

– Петер, – мягко начала Ли Анна, – не могли бы вы принести мне бренди? У меня заболела нога. – Интересно, сможет ли он ей отказать.

Великан-слуга, который был выше всех окружавших его мужчин, оставил ее просьбу без ответа. Мог ли он заметить, что она уже подлила себе немного бренди в чай? Выражение лица Петера не изменилось, он развернулся и вышел из маленькой, скудно обставленной столовой, где Ли Анна сидела за столом вместе с Кейти и Дот.

Кейти ела без особого желания, а сейчас вовсе отложила вилку и подняла на мать всегда тревожные темные глаза. Ли Анна уже пожалела, что заговорила на эту тему при девочках. Она протянула руку и накрыла ладошку Кейти.

– Дорогая, со мной все хорошо, легкие боли, – солгала она.

Ли Анна не понимала, почему правая нога, которая не потеряла чувствительность, доставляла ей столько проблем. Но это было ничто по сравнению с нестерпимой тоской, что комком свернулась в груди и никогда ее не оставляла. Ли Анна просыпалась с ней каждое утро и каждый вечер ложилась спать. Неизвестно, как бы она справлялась без бренди и опиума.

Первое, что она сделала, вернувшись из церкви, выпила чаю. Разумеется, щедро приправленного бренди.

Она старалась не думать о несостоявшемся венчании, но ей было трудно удержаться от постоянно мелькавших в голове мыслей. Когда она входила в семью Брэг, надеялась, что ее ждет жизнь, наполненная приемами, балами и весельем, – жизнь в роскоши. Вместо этого они снимали небольшую квартиру, а Рик работал днями и ночами, представляя интересы клиентов в качестве государственного защитника. Она чувствовала себя преданной и брошенной, поэтому уехала в Европу. Была уверена, что муж бросится за ней и станет молить о прощении – но он этого не сделал. Со временем Ли Анна привыкла к мысли, что они расстались навсегда. Жизнь на континенте ее очаровала, и она забыла о своих глупых мечтах. Ли Анна вскоре стала вращаться в высших кругах и частенько пользовалась финансовой поддержкой дворян.

В Штаты она вернулась после того, как получила известие о болезни отца. Тогда же до нее дошли слухи, что Рик влюблен в другую женщину. Новость ее шокировала настолько, что она предприняла немедленную попытку защитить свое достоинство. Ли Анна не желала быть униженной романом собственного мужа или, хуже того, пережить развод, который неминуемо

разрушил бы ее жизнь. Она села в поезд в Бостоне и отправилась в Нью-Йорк, чтобы предъявить права на мужа и законный брак.

Рик был возмущен ее возвращением, но Ли Анна умела быть настойчивой и смогла найти пути, чтобы подтолкнуть мужа к примирению. Фактически она поставила ему условие, что даст развод лишь в том случае, если он не изменит своего мнения после шести месяцев совместной жизни. Ли Анна была уверена, что Рик никогда не откажется от намерений сделать политическую карьеру, а развод лишил бы его этой возможности. Но еще больше она была уверена в своих женских чарах и владении искусством обольщения. И оказалась права.

Однако счастья этот брак ей не принес. Брэг не мог простить ей годы жизни в Европе, кроме того, он очень изменился, превратившись в уверенного в себе мужчину, которым она не могла не восхищаться. К своему удивлению, Ли Анна поняла, что все еще любит Рика Брэга. Потом с ней произошел несчастный случай. В нее врезалась стремительно летящая карета, и она лишилась возможности ходить.

С того момента в ее душе поселилось отчаяние. А ведь она была так близка к той жизни, о которой мечтала еще юной девушкой. Ей стало нравиться опять быть женой Рика, она была уверена, что пройдет немного времени, и он вновь будет ею восхищаться. Сейчас он считался удачной партией – происходил из благородной семьи, был, несомненно, джентльменом, восходящей звездой в политике. Рик Брэг получал больше приглашений, чем мог себе позволить принять. Ли Анна с удовольствием перебирала карточки, раздумывая, какое приглашение принять, а какое отклонить. Ей нравилось ощущать власть, способность одним движением руки решать, кому быть отвергнутым. Она мечтала о том, каким окажется их будущее, – они удочерили двух девочек, и она мечтала иметь еще детей. Рик тем временем станет сенатором штата, затем сенатором США. Они переедут в Вашингтон, самый замечательный город в мире, где власть и сила соседствуют с роскошью и богатством...

Ей хотелось плакать. Она с ужасом ждала появления Рика. Душу переполняло отчаяние. Она стала уродливой калеккой, она ненавидит свою жизнь!

Ли Анна всегда считала естественным, что была самой красивой женщиной в любом обществе. Но все это в прошлом. Как отвратительно было появиться сегодня в церкви в инвалидном кресле. Все смотрели на нее, и она представляла, о чем они думают. В каждом взгляде, которым ее провожали собравшиеся гости, было столько жалости, как невыносимо было слышать их перешептывания за ее спиной.

Что у нее есть в жизни, кроме двух маленьких девочек?

Подождал Петер и поставил перед ней бокал с бренди. Что ж, довольно быстро.

Ли Анна заморгала, чтобы прогнать неуместные слезы и прийти в себя. Подняв голову, он улыбнулась слуге и вежливо поблагодарила, как и подобает настоящей леди. Затем она выпила бренди и закрыла глаза, прислушиваясь к обжигающему жару в животе, и стала ждать облегчения, которое обязательно должно последовать за порцией алкоголя.

Единственное, что ей осталось, – быть хорошей матерью. Ли Анна посмотрела на полупустой бокал. Ей стало страшно оттого, что она вновь погружалась в тяжкие думы, и в этот момент хлопнула дверь. Ли Анна напряглась.

– Мама? – прошептала Кейти. – Ты считаешь нам сказку?

– Сказку, сказку! – захлопала в ладоши Дот.

Миссис Флауэрс, няня девочек, вытирала их личики салфеткой.

Она не успела ответить девочкам – она всегда с удовольствием читала им перед сном, – как отчетливо услышала тяжелые, торопливые шаги Рика. Ли Анне стало страшно.

Он появился на пороге столовой, отделанной в оливковых тонах, и устало улыбнулся жене, затем прошел в комнату и поцеловал Кейти и Дот в лоб. Какое облегчение, что он не подошел к ней ближе. Вероятно, обеспокоен исчезновением Франчески. Разумеется, так и должно

быть, Рик всегда будет думать о ней. Ли Анна знала, что не стоит обманывать себя и доверять глупым мыслям. Они всегда будут друг для друга больше чем друзья.

– Ты нашел ее? – спросила Ли Анна. Она решила для себя не расстраиваться из-за того, что Харт и Франческа не поженились, и вспоминать о том, что всего несколько месяцев назад Рик был в нее влюблен.

Рик расправил плечи и посмотрел на бокал с бренди:

– Нет. Я очень нервничаю. Исчезновением Франчески не должна заниматься полиция. – Он повернулся к няне: – Отведите девочек в спальню и приготовьте ко сну.

Кейти встала, умоляюще глядя на Ли Анну, а Дот громко вскрикнула:

– Сказку!

Миссис Флауэрс сняла ее с детского стульчика и поставила на пол.

– Я скоро поднимусь, – обещала Ли Анна.

Рик не произнес ни слова, пока девочки с няней не покинули столовую. Затем он медленно обошел стол и сел напротив жены.

– Представить не могу, что помешало ей прийти на свадьбу. Она была так счастлива, когда я виделся с ней утром. Как думаешь, совершенно какое-то преступление?

– Возможно. В одном я уверена – Франческа не могла в одну минуту решить бросить Колдера. – Голос ее звучал равнодушно. Она знала, что Рик против брака Франчески и Харта, однако ей не стоит поддерживать мужа, даже если его радует подобное развитие событий.

– Петер, принесите бокал скотча, пожалуйста.

Угрюмый швед кивнул и удалился.

Ли Анна покосилась на бокал и велела себе сохранять спокойствие.

– Звонил шеф Фарр, хотел с тобой поговорить.

– Полагаю, до него уже дошли слухи, – грустно произнес Рик.

Ли Анна не поняла, что означает его странный тон.

– Он уже был осведомлен о произошедшем с Франческой. Мистер Фарр говорил что-то о беспорядках.

Рик поднял на нее глаза:

– Он не сказал ничего конкретного?

Ли Анна задумалась и наконец потянулась к бокалу с бренди.

– Он предположил, что, должно быть, в церкви началась суета, когда невеста не приехала на венчание. Я сказала, что все были очень взволнованы.

Вернулся Петер с бокалом в руках. Рик сделал глоток.

– Фарр ее ненавидит. Ли Анна допила бренди.

– Уверена, он не желает ей зла, Рик. Он нахмурился и повертел в руках бокал.

– Думаю, он рад, что у Франчески неприятности.

– Ты говоришь ужасные вещи. – Ли Анна поняла, что он крайне озабочен этим происшествием. – Надеюсь, ты ошибаешься, – продолжала она, – и Франческа просто в последнюю минуту испугалась идти под венец, а не находится в опасности. Брэг резко поднялся:

– Мне надо увидеть Фарра.

– Рик, не беспокойся за меня. Я почитаю девочкам и уложу их спать. Поезжай к Франческе.

– Ты не станешь возражать? – слишком поспешно спросил он и посмотрел на пустой бокал на столе.

– Я всегда испытывала симпатию к Франческе. – Это было правдой. Франческа была доброй и приятной в общении женщиной, одной из тех, кем можно восхищаться. – И тоже за нее переживаю.

– Спасибо тебе, – сказал Рик и вышел.

Ли Анна с облегчением откинулась на спинку стула. Рик ее больше не беспокоит сегодня. После того как она уложит девочек, сможет остаться в одиночестве и принять порцию бренди и настойку опия.

Франческе пришлось потратить немало душевных сил на пересказ Джоэлу событий сегодняшнего дня. Ему, разумеется, уже было известно о пропаже портрета. Тогда, два месяца назад, она, Харт и Брэг решили не подключать полицию к столь деликатному делу – чем меньше людей знают о портрете, тем лучше. Джоэл услышал их разговор и пожелал узнать, что же всех так расстроило. Не объясняя подробности, Франческа сказала, что портрет может ее скомпрометировать.

Мальчик не знал значения этого длинного слова, а Франческа не стала вдаваться в детали, отметив лишь, что он написан в такой манере, которая не будет одобрена обществом. После этого Джоэл потерял к картине интерес. Она знала, что он считает нормы морали странными, ничего не стоящими, а порой даже глупыми, по его собственному выражению.

Впереди показался дом номер 11 по Мэдисон-сквер, и Франческу бросило в дрожь. Прохожих в такой час было мало, но парк красиво подсвечивали уличные фонари и яркая полная луна. Дом Брэга был одним из похожих друг на друга викторианских особняков красного кирпича, стоящих вдоль Двадцать третьей улицы. Франческа вспомнила, как они гуляли по Бродвею и любовались только что построенным «небоскребом», который журналисты сразу окрестили «Утюг». Двадцатипятиэтажная треугольная башня стала шедевром современной человеческой мысли.

– Он дома, – сказала Франческа, заметив у ограды «даймлер» Рика.

Она расплатилась, и они с Джоэлом направились к дому, в окнах обоих этажей которого горел яркий свет.

К счастью, Франческа успела немного успокоиться, и самообладание к ней вернулось, хотя боль в душе не утихала. На мгновение ей захотелось броситься в объятия Брэга, чтобы найти в них утешение, но разум подсказывал не посвящать в происходящее между ней и Хартом посторонних.

Поднявшись по ступеням, Франческа постучала в дверь, которая почти сразу отворилась. Брэг протянул к ней руки:

– Я знал, что это ты. Ты не ранена?

Франческе сразу стало легко, желание оставаться сильной и сдержанной исчезло.

– У меня был ужасный день, – произнесла она с улыбкой.

– Могу представить, – кивнул Брэг, отпуская ее руки.

Франческа видела, что он тоже хотел обнять ее, но сдержался, и не поняла, расстроило ее это или обрадовало.

Паузу прервал Джоэл:

– Что вы оба молчите? У нас же новое дело! Мисс Кэхил заперли – кто-то хотел, чтобы она опоздала на свадьбу с мистером Хартом!

Франческа закусил губу.

– И ему это удалось, Джоэл. – Она оторвала взгляд от Брэга. Где же Ли Анна?

– Что случилось? Почему у тебя все лицо и пальцы в порезах?

Он взял ее за руку и повел в маленькую комнатку с письменным столом и двумя креслами. В камине горел огонь. Джоэл последовал за ними, но на полпути отстал.

Франческа бросила взгляд через плечо, но Ли Анна так и не появилась на пороге гостиной, хотя дверь в комнату была открыта и свет включен.

– Я тебе помешала?

– Разумеется, нет! – воскликнул Брэг. – О тебе все так беспокоились!

Нет, не все, Харт совсем не беспокоился. Ее сердце опять разбито, но сейчас не стоит об этом.

– Я получила утром записку, вскоре после твоего ухода. – Франческа достала из сумки конверт с надписью «Срочно» и передала Рiku.

Он быстро прочитал, и взгляд его стал тревожным.

– Портрет?

Франческа кивнула, радуясь тому рабочему настроению, которое появлялось в начале каждого расследования.

– Когда я приехала по адресу, галерея была закрыта на перерыв, но дверь не заперта. Я вошла и сразу увидела портрет. Он был прибит к стене. Мне показалось, что рядом кто-то есть, и я прошла внутрь. Примерно через полчаса в двери повернулся ключ.

Брэг прохрипел что-то невнятное – она видела, как он сердит.

– Дальше.

Франческа облизнула губы.

– Я стала звать на помощь, но меня никто не слышал. Потом решила вылезти в узкий оконный проем в задней комнате. Пришлось разбить стекло, отсюда и порезы.

Брэг взял ее за руки:

– А эти ссадины?

– Я цеплялась за стену, когда пыталась дотянуться до окна.

Лицо его исказила болезненная гримаса. Реакцию Брэга и Харта невозможно сравнивать. Колдер даже не заметил порезы и ссадины.

– К счастью, меня слышали дети, их отец позвал полицейского, и он меня выпустил.

Ощущая тепло пальцев Рика, Франческа на мгновение подумала, что между ними все стало как прежде. Но следующей мыслью стало воспоминание о холодном взгляде Харта, о жестокости и безразличии.

– Это все.

Нет, не все. Так не может быть. Брэг отпустил ее руки и взял телефонную трубку. В доме было установлено два аппарата – второй находился в спальне на втором этаже. Это было возмутительно, но Брэг настаивал, что так ему удобнее.

– Говорит Брэг. Галерея Мура, номер 69 по Уэйверли-Плейс, должна быть оцеплена, как место похищения человека. Никто не должен входить и выходить, включая владельца Мура. И полицейских. Я достаточно ясно выразился? Повторяю, никто не должен входить и выходить. Я буду через тридцать минут. – Он выслушал ответ и положил трубку. – Тебе лучше поехать со мной, Франческа. Сейчас я имею право возбудить дело.

Она округлила глаза.

– Разумеется, я поеду!

Рик улыбнулся:

– Почему-то я думал, что ты именно так и скажешь.

Франческа улыбнулась в ответ. Очень скоро галерея будет под контролем полиции, и никто не сможет проникнуть внутрь и увидеть ее портрет. Она поедет с Риком, но сейчас это уже не так срочно.

Франческа обеспокоенно заглянула Брэгу в глаза:

– Я испортила тебе вечер?

– Нет, – был короткий ответ, но тон выдавал внутреннее напряжение и раздражение. Что-то случилось? Рик помедлил и добавил уже спокойнее: – Мы решили расследовать похищение портрета в частном порядке, но после сегодняшних событий я не знаю, как распределить силы полиции.

Франческа колебалась.

– Харт несколько не продвинулся в поисках?

– Нет, хотя его люди обыскали все галереи в Бруклине и Манхэттене. Никто ничего не знает о картине. Скорее всего, портрет никто не видел. Будем надеяться, что сегодня мы разберемся с этим делом раз и навсегда.

В душе Франчески затеплилась надежда. Уже через час портрет может быть у них, но вор останется на свободе. Почему она раньше не предприняла никаких попыток найти портрет? Впрочем, все объяснимо. Когда портрет пропал из студии Сары, она отчаянно пыталась поймать маньяка, убивавшего одну за другой невинных женщин. Затем убили Дейзи Джонс, и Харт стал главным подозреваемым, а она посвятила все свое время доказательству его невиновности. К счастью, преступление было раскрыто за каких-то четыре дня. Шестого июня Марта Гиллеспи призналась в убийстве собственной дочери.

– В чем дело? – спросил Брэг.

– Подумала, что надо было давно заняться поисками портрета, но прошлого не вернуть.

– Да, не вернуть, – согласился Брэг. – Харт заставил детективов прочесать все места в городе, имеющие отношение к искусству, я не сомневался, что будет результат. Хотя такого никак не ожидал, на мне лежит не меньшая вина за подобный исход дела. – Он вновь потянулся к телефону. – Ты сообщила родителям, что жива и здорова?

– Ты ни в чем не виноват!

Он не ответил.

– Брэг. – Франческа посмотрела ему в глаза.

– Джулия и Эндрю знают, где ты? – повторил он вопрос.

– Альфред отправил им записку. – Франческа молила Бога, чтобы Рик не спросил, видела ли она Харта.

Он внимательно посмотрел на нее и взял трубку.

– Все же я считаю необходимым позвонить Эндрю.

Франческа кивнула:

– Им будет приятно, если об этом сообщишь им именно ты. Пойми, я не могу увидеться сейчас с мамой.

Брэг окинул ее отстраненным взглядом:

– Оператор, пожалуйста, соедините с домом Эндрю Кэхила. – Он прикрыл рукой микрофон. – Хочешь поговорить с отцом?

– Не очень. Просто скажи ему, что со мной все в порядке, что у меня были некоторые проблемы, и я заснула у тебя в гостевой комнате.

– Франческа, – попытался протестовать Рик.

– Я должна поехать с тобой в галерею, – защищалась Франческа, – и у меня не так много времени, чтобы придумать правдоподобную историю, по какой причине я не явилась на собственную свадьбу.

Брэг вздохнул:

– Добрый вечер, Эндрю. У меня хорошие новости. Франческа рядом со мной, у нее были неприятности... кто-то выманил ее из дома, но сейчас все в порядке... Да, кто-то хотел, чтобы свадьба не состоялась... Она уснула на диване в гостиной... Да... Через несколько часов я лично привезу ее домой. Спокойной ночи. – Он положил трубку и повернулся к Франческе.

– Из-за меня ты стал соучастником. Прости.

– Не переживай. – Рик немного смягчился. – Не в первый раз. Я могу позволить себе немного солгать ради тебя – иногда мне даже нравится быть соучастником преступления.

Франческа закусил губу.

– Часть была правдой.

– Ты видела Колдера? – Рик неожиданно сменил тему.

Франческа покраснела и опустила глаза.

– Да. Ты готов ехать?

Рик пронзал ее ястребиным взглядом, она молчала. Сейчас у нее нет желания говорить о Харте. Наконец, Рик кивнул и указал рукой на дверь. Выйдя из кабинета, Брэг позвал Джоэла.

– Как ты думаешь, кому было нужно, чтобы я пропустила свадьбу?

Джоэл сбежал вниз по лестнице, определенно он использовал время, чтобы увидеться с девочками. Вслед за бегущим впереди Джоэлом они покинули дом, переговариваясь по дороге к автомобилю.

– У Харта много врагов, Франческа, точнее, несколько сотен. Еще два месяца назад решили, что проверить всех недоброжелателей невозможно.

– Значит, есть вероятность, что вор действовал против Харта, а не против меня.

– Меня бы это не удивило. – В голосе мелькнула злоба. Бросив на Франческу многозначительный взгляд, Брэг подошел к капоту автомобиля и стал заводить мотор.

– Ты не можешь обвинять Харта за то, что произошло сегодня, – впрочем, и себя тоже, – вспыхнула Франческа. – У меня появились и свои враги.

– Да, появились, и мы с Хартом рассматривали возможность того, что кто-то решил отомстить тебе, выкрад портрет.

Взревел заведенный мотор, Брэг выпрямился и направился к пассажирскому сиденью, чтобы открыть ей дверь. Франческа пропустила Джоэла на узкое сиденье сзади и заняла кресло впереди.

Брэг сел за руль и произнес:

– Мы не раз все обсудили, Франческа.

Она принялась напряженно думать. Харт никогда не упоминал о том, что обсуждал с Риком украденный портрет.

– Брэг, я уже мысленно составила список людей, способных мне отомстить: Гордино, Билл Рэндл, Мэри и Генриетта Рэндл и Соланж Марсо.

Брэг включил заднюю передачу и посмотрел на Франческу. Она отлично поняла, что он имеет в виду.

– Гордино осужден за мошенничество в начале апреля и не выйдет на свободу раньше августа.

Гордино был отъявленным бандитом, с которым Франческа столкнулась во время ведения первого расследования.

– Хорошо. В любом случае он недостаточно умен, чтобы спланировать это похищение.

Брэг ухмыльнулся, перевел переключатель в рабочее положение, и автомобиль двинулся в сторону тихой, словно вымершей улицы.

– Согласен, – сказал он после паузы.

Франческа задумалась над кандидатурой Билла Рэндла – сводного брата Харта. Они были едва знакомы, но люто ненавидели друг друга. Билл не смог простить отцу, что тот прижил ребенка на стороне. Харт же, в свою очередь, ненавидел отпрысков родного отца, что вполне естественно, за то, что он сам не был признан им. Франческа поежилась:

– Билл Рэндл ненавидит меня за то, что именно я выяснила, что их отца убила дочь. – Она нахмурилась и добавила: – И Харта он тоже терпеть не может.

– Билл скрывал от следствия факты против сестры, Франческа.

Она знала об этом. Брэг сворачивал с Двадцать третьей улицы на Бродвей, где они попали в оживленный поток колясок, фаэтонов и карет. Мэри Рэндл призналась в убийстве отца только после того, как Франческа собрала неопровержимые доказательства. Билл похитил ее, чтобы препятствовать разглашению фактов по делу. И брат, и сестра были очень опасными людьми.

– Билл Рэндл избежал наказания в обмен на свидетельские показания. Мэри сейчас в Бельвю и останется там еще на многие, многие годы. Адвокаты ловко сработали, и ее признали невменяемой. Кстати, у Билла алиби на субботний вечер – он был в своей комнате в общежитии, его видели все соседи, а ведь портрет украли в субботу днем. Он физически не мог

оказаться в городе следующим утром, чтобы днем похитить портрет. Первый поезд из Филадельфии прибывает в Нью-Йорк в полдень.

Таким образом, Билла приходилось вычеркнуть из списка подозреваемых. Невозможно, прибыв на Гранд-Сентрал в полдень, оказаться через час в доме Чаннингов и выкрасть картину. Франческа была разочарована.

– А Генриетта Рэндл? – не сдавалась она.

Брэг свернул на Пятую авеню.

– Их мать была осуждена на год за укрывательство от следствия фактов преступления дочери. Она на Блэкуэлл-Айленд.

– Что ж, получается всех Рэндлов надо вычеркнуть.

– Полагаю, что так. Соланж Марсо бесследно исчезла, когда мы устроили облаву в ее публичном доме в связи с расследованием дела Мерфи о детской проституции.

Франческа много месяцев не вспоминала об этой мадам с вытравленными почти добела волосами. Тогда Франческе пришлось выдать себя за проститутку, чтобы проникнуть в ее окружение. Соланж была в бешенстве и даже приказала убить Франческу.

– Ее ведь до сих пор не нашли? – воскликнула она. По спине побежали мурашки. Соланж была сильным, умным и опасным противником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.